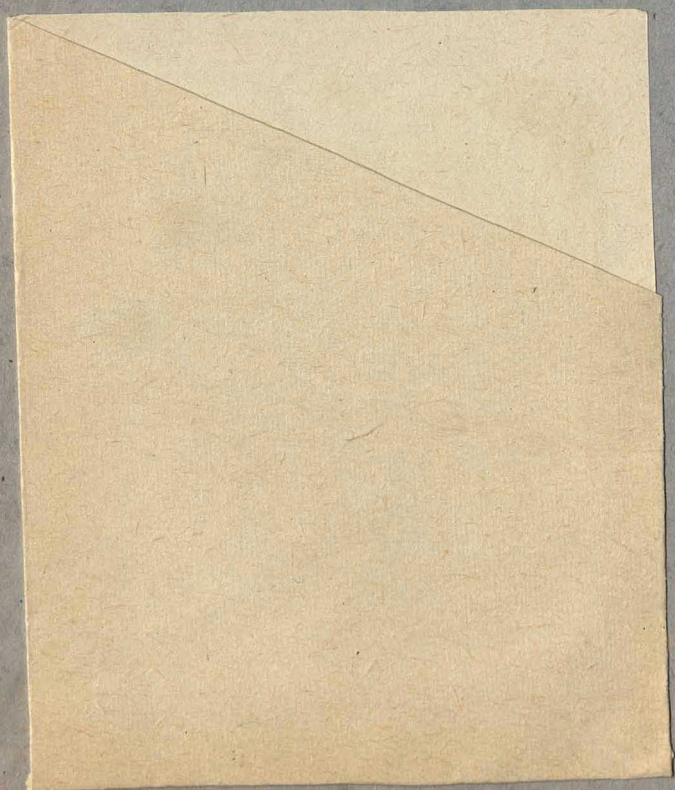

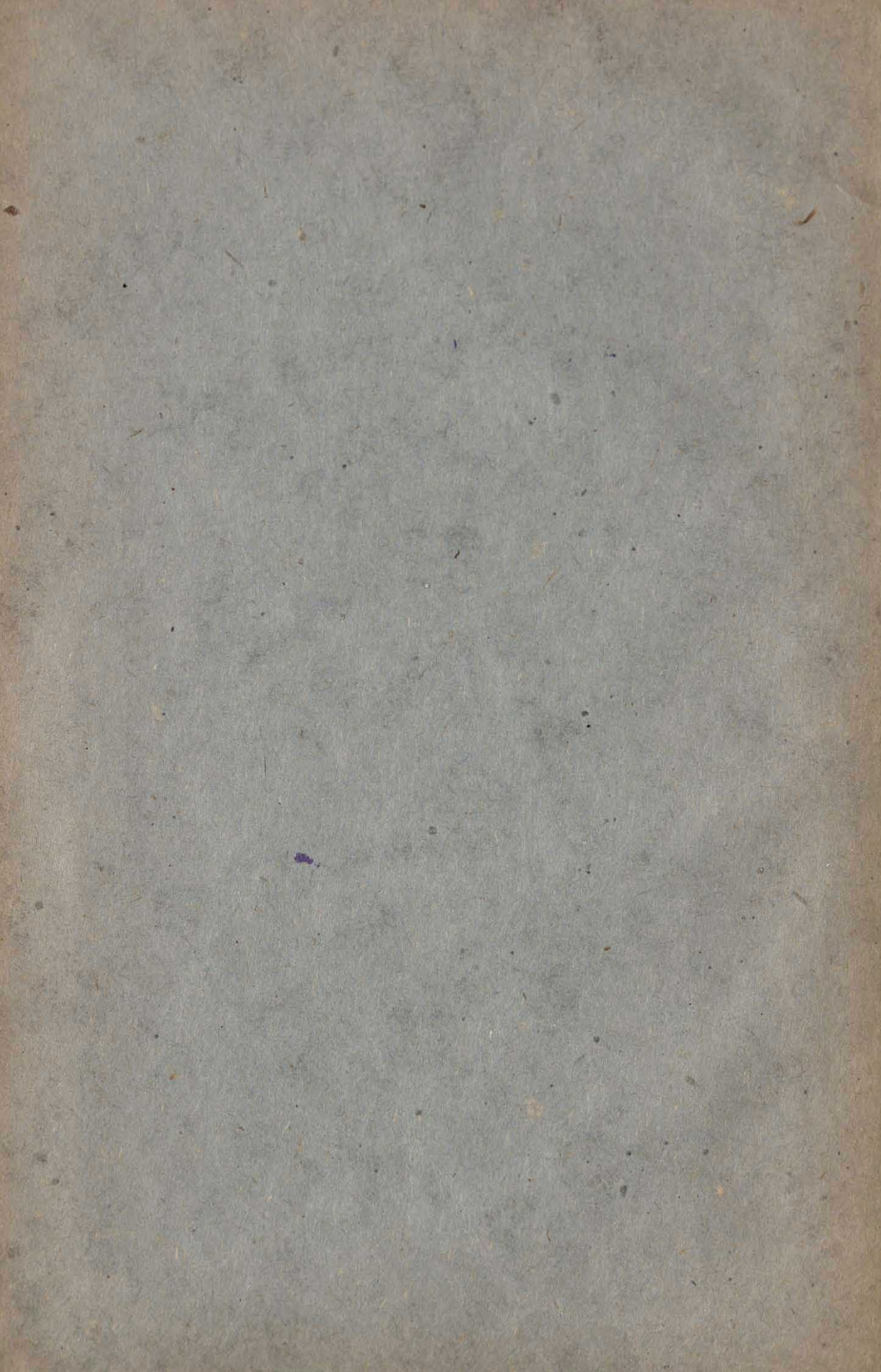
38

1909

Проф. Н. П. ГРАЦИАНСКИЙ

**БОРЬБА СЛАВЯН
И НАРОДОВ ПРИБАЛТИКИ
С НЕМЕЦКОЙ АГРЕССИЕЙ
В СРЕДНИЕ ВЕКА**

**ПОСОБИЕ
ДЛЯ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ**

УЧПЕДГИЗ — 1943

POP!

897

ПРОФ. Н. П. ГРАЦИАНСКИЙ

9 38
1909

БОРЬБА СЛАВЯН
И НАРОДОВ ПРИБАЛТИКИ
С НЕМЕЦКОЙ АГРЕССИЕЙ
В СРЕДНИЕ ВЕКА

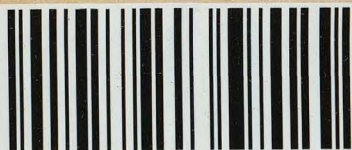
ПОСОБИЕ ДЛЯ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ

Утверждено Наркомпросом РСФСР

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
НАРКОМПРОСА РСФСР
МОСКВА 1943

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящая работа излагает историю немецкого «натиска на восток» (*Drang nach Osten*) в средние века. Первый ее отдел трактует немецкую агрессию за Лабу (Эльбу) и борьбу с ней полабского славянства; второй отдел посвящен борьбе с немецкой агрессией в Прибалтике. Немецкие фашисты, бесцеремонно перекраивая и перекрашивая исторические факты, стремятся представить «натиск на восток» в виде какой-то «культурной миссии» высшей германской расы среди «некультурного варварства», причем всячески превозносят хищническую деятельность немецких пограничных князей и тевтонского ордена, сражавшихся будто бы на востоке во имя интересов цивилизации. Практический вывод из этой мнимо-исторической «концепции» напрашивается сам собой: немцам якобы предстоит вновь вынужденно выполнить сейчас на востоке ту миссию, которую они когда-то с успехом там выполняли, именно, побороть еще раз «восточное варварство» и прибрать к своим рукам восточные земли. Основная цель предлагаемой книги — вскрыть фальшь этой фашистской «концепции». Опираясь конкретными данными, подчерпнутыми непосредственно из источников, автор старался показать истинный характер немецкого «натиска на восток», неизменно сопровождавшегося вопиющими насилиями над местными жителями и являющегося, вопреки лживым утверждениям фашистов, не чем иным, как сплошным разбоем в грандиозном масштабе.

2010456184

Редактор И. Кусикьян

Подписано к печати 25/IX 1943 г. Л71928. Печ. л. 4. Учетно-изд. листов 4,63

Цена без переплета 80 коп.

Тираж 10 000 экз.
Зак. 390.

18-я тип. треста «Полиграфкнига», Москва, Шубинский, 10.

1. ПОЛАБСКНИЕ И ПОМОРСКНИЕ СЛАВЯНЕ И ИХ БОРЬБА С НЕМЦАМИ В СРЕДНИЕ ВЕКА.

1. Территория расселения славян за Лабой. Славяно-франкские отношения до распада империи Карла Великого.

Обширная территория по Лабѣ (теперешняя Эльба) и за Лабой до Одры (теперешний Одер) и нижнего течения Вислы (современные немецкие провинции: вост. Голштиния, Мекленбург, Бранденбург, Лаузиц с частью юго-восточной Саксонии и Померанія), в раннее средневековье была населена многочисленными славянскими племенами. Эти племена, которые принято называть племенами балтийских, или же полабских и поморских, славян, принадлежат к той же группе западных славян, к которой относятся чехи и поляки. Впервые они упоминаются между Вислой и Лабой в VI веке, но стали проникать сюда гораздо раньше, постепенно расселяясь на территории, с которой уходили (в значительной мере под их давлением) племена восточных германцев. Достигнув Лабы и западного ее притока Салы, славяне стали расселяться и за этими реками, и отдельные их группы проникали до верхнего Везера, Фульды и верхнего Майна. Что касается территории к востоку от Салы и Лабы, то к VI в. она сплошь заселена была славянами до самой Вислы. С IX в. в западно-европейских летописях появляются названия четырех главных племенных группировок славян, живших к северу от Чехии. Между Салой и западным притоком Одры — Бобром — жили сербы-лужичане, в состав которых, кроме сербов и лужичан, входили также мильчане, гломачи и дечане; по обе стороны нижней Лабы, а также к северу от нее, до Балтийского моря, жили ободриты (т. е. потомки Ободры), в состав которых, кроме собственно ободритов или бодричей, входили также племена валров, полабов, древан и других; к юго-востоку и к востоку от ободритов до Одры жили лютичи (т. е. потомки Лютых), они же вильцы (т. е. волки); основную их массу составляли племена ратарей, доленчан, черепенян и хижан; первые два племени жили к югу, вторые два к северу и северо-западу от реки Пены до моря. Этим четырем главным племенам лютичей — самым воинственным из всех славян, — объединенным общностью культа бога Сважжича в гор. Ретре (у ратарей), были близки племена гаволян (или стодорян) и брижан (на р. Гавеле), шпревян (на р. Шпреве) и украин (на р. Укре). Близки были также к группе лютичей жители о. Руяны

(Рюгена) и островов в заливе Одры. Четвертая группа славян за Лабой — поморяне, тоже делившиеся на ряд отдельных племен, занимали всю область между Одрой, Потецею (правый приток Варты) и Вислой. Славянский край по Лабе и за Лабой представлял собою обширную равнину со множеством лесов, а также рек и озер, заводей и морских заливов. Это был богатый край, изобиловавший всякими естественными благами и славившийся плодородной, хотя местами заболоченной, почвой. Богатства залабской территории издавна возбуждали алчность соседних немецких феодалов (прежде всего саксонских), жаждавших захватить здесь плодородные земли, покорить жителей и обложить их тяжелой данью. Правда, еще раньше воевали с славянами франки, но франкские короли никогда не стремились захватить за Лабой новые территории и распространить на них франкское государственное устройство. Карл Великий, друживший с ободритами, которые были его естественными союзниками в борьбе с саксами и датчанами, вел войны с лютичами и сербами, но эти войны были простыми пограничными столкновениями, не носившими характера агрессии. Франкские летописи, доведывая о славяно-франкских отношениях, сообщают ряд любопытных подробностей о быте славянских племен, с которыми имел дело Карл Великий. Между прочим, и у ободритов, и у лютичей, и у сербов упоминаются великие князья, которым подчинены были князья второстепенные. У сербов таким князем был Милидух, убитый в 806 г. в столкновении с франками. У лютичей или вильцев упоминается князь Драговит, «далеко превосходивший прочих князей вильцев знатностью рождения и авторитетом старости». Когда этот Драговит принеся покорность императору, его примеру последовали и все прочие князья вильцев. Ободритский князь Вильчан, которого летопись именует «королем ободритов», был убит в 795 г. саксами Нордальбингии (территория к северу от устьев Лабы, позднейшая западная Полабия), когда он, спеша на соединение с Карлом, стоявшим у Бардовика, переправлялся через Лабу. Карл будто бы очень жалел о Вильчане, убийство которого «еще более возбуждало его ненависть к вероломному народу саксов». В 798 г. князь ободритов Дражко, действуя совместно с одним из уполномоченных Карла, наголову разбил нордальбингцев. «Перебито их было в сражении 4 тысячи; прочие, пустившиеся в бегство... запросили о мире». В дальнейшем Карл организовал три похода за Лабу, и в конце концов опустошенная Нордальбингия, остатки населения которой почти полностью были выселены во внутренние области франкского государства, была отдана ободритам. Карл, видимо, хотел создать за нижней Лабой славянский барьер против прозвивших его империи датчан. В 804 г., когда Саксония была окончательно замирена, Карл сам побывал с войском в устьях Лабы. Здесь к императору явились князья ободритов, и, обсудив-

или их взаимоотношения, он поставил Дражко старшим над ними («королем», по выражению летописи). Очевидно, Карл стремился создать у ободритов сильную власть, чтобы сделать их более обороноспособными по отношению к датчанам и вильцам. Это, однако, было совершенно недостижимо при господстве у славян родовых отношений, фактически сводившем на нет власть великого князя. Ободриты оставались раздробленными и, несмотря на мужественное сопротивление, не могли устоять в борьбе с датским королем Готфридом, который взял несколько их крепостей и заставил их платить дань. Тогда император «решил воздвигнуть крепость за рекою Лабой и поместить в ней франкское войско». Говоря другими словами, Карл решил отобрать у ободритов отдаленный им правый берег нижней Лабы и, повидимому, всю Нордальбингию, так как считал силу своих союзников недостаточной для прикрытия от новых натисков короля Готфрида, прозванного «пробивать в самом стольном городе — Ахене. Собравши войско в Галлии и Германии, Карл направил его (в 809 г.) через Фризию к устьям Лабы и здесь на реке Стыри построил крепость Эзесфельд, сделавшуюся основанием залабской марки. Для защиты от возможных вторжений славянских племен император организовал так называемый сербский рубеж — *limes sorabicus*. Он начинался от Линца на Дунае, шел по этой реке до Регенсбурга, поворачивал далее к северу, простирался по рекам Сале и Лаббе Бардовику и отсюда проходил на северо-восток, к Балтийскому морю. Бардовик у нижней Лабы, а также лежащие выше по Лаббе Шезель и Магдебург были главными пунктами торговли франкской империи с славянами за Лабой, причем запрещалось (капитулярием 805 года) ввозить к ним оружие и ратные доспехи.

Немецкие фашисты относятся отрицательно к Карлу Великому, считая его саксонскую политику пагубной для «нордической» расы. Один из фашистов предлагает отнять у Карла эпитет «великий» и просто именовать его «Карлом, сыном Пипина». В этом развенчивании Карла не малую роль сыграла его славянская политика, чуждая кровавых жестокостей позднейших немецких феодалов. Западные славяне, на которых походы и победы Карла произвели большое впечатление, почти все признававшие протекторат императора, сделали его имя нарицательным для обозначения государя: известно, что слово король в славянских языках происходит от имени Карла — *Karolus*.

Сын и преемник Карла Великого Людовик Благочестивый держался по отношению к славянам за Лабой той же политики, что и его отец: стараясь сохранить над ними свой протекторат, он не навязывал им своих порядков. Славяне участвовали в качестве вспомогательных войск в различных походах императора и иногда приносили ему подарки. Славянские старшины и князья приглашались на общие собрания империи, чего не было позднее, при

немецких королях. Авторитет императора не всегда признавался славянами, князья которых вели собственную политику и нередко даже выступали против франков, заключая союз с датчанами. Император, пользуясь раздробленностью славян, пытался вызывать непокорных князей к себе и осторожно воздействовать на них через посредство славянских старшин, очевидно, боявшихся усиления княжеской власти и потому державших сторону франков. В 826 г. Людовик вызвал к себе ободритского князя Чадрага, которого некоторые старшины обвиняли в измене франкам, и, задержавши его, послал спросить у ободритов, «желает ли народ, чтобы он управлял им». Мнение «народа» разделилось, но «лучшие

люди» согласились принять Чадрага. Считаясь с этим мнением «лучших людей», император отпустил ободритского князя на родину, взявши заложников в обеспечение его верности. О том, насколько осторожно было вмешательство императора во внутренние дела славян, свидетельствует история с двумя князьями вильцев — Милостем и Целодрагом, сыновьями умершего князя Люба. Этот Люб в свое время поделил власть над вильцами со своими братьями, но так как он был старшим, то по установившемуся у вильцев

обычаю ему одному «принадлежало право на всю власть в государстве». Когда Люб погиб в бою с ободритами, «народ вильцев» поставил князем старшего его сына — Милогостя. Будучи, однако, недоволен правлением Милогостя, народ низложил его и передал княжескую власть младшему его брату Целодрагу. Спор о правах на княжение у вильцев братья перенесли к императору, который определил, чтобы князем был тот, «кого народ его наделил властью». При этом Людовик обласкал обоих братьев и, прежде чем отпустить их за Лабу, наделил их обоих подарками.

Франкский протекторат над полабскими славянами кончился уже в последние годы правления Людовика Благочестивого. В конце 30-х годов (IX в.) ободриты и вильцы «отпали» от франков и совместно с датчанами стали совершать набеги на пограничные земли империи. Сербь тоже вышли из повиновения, и франкам приходилось воевать со всеми полабскими племенами. Смуты в империи, очевидно, подорвали авторитет франков среди славян, и славянские князья совсем перестали считаться с франкским правительством. Междоусобия сыновей Людовика могли только укрепить их в этой позиции.

2. Славяне и немцы после распада империи Карла Великого. Начало «натиска на Восток». Покорение немцами славянских стран за Лабой при Генрихе I и Оттоне I. Устройство покоренных областей. Марки.

С распадением империи Карла Великого и выделением из нее восточных немецких областей славяне стали вести с немцами постоянные войны, отражая их натиск и сами вторгались на их территорию. Повидимому, в это время славяне массами продолжали переселяться за Лабу, немцы же всячески старались препятствовать этой славянской экспансии. Вместе с тем немецкие герцоги и короли мечтали о восстановлении старого франкского протектората над славянами, и с этой целью предпринимали против них ряд экспедиций. В 844 г. Людовик Немецкий, справившись с восстанием в Саксонии, пошел на ободритов. В начавшейся войне убит был князь ободритов Гостомысл, и, по свидетельству немецких летописей, вся земля ободритов была приведена к покорности. Покорность эта была, однако, лишь видимой: по одному известию, тотчас же по уходе немцев ободриты перестали им подчиняться. Уже в следующем 845 году Людовик опять воевал с славянами, которые, действуя вместе с датчанами, повидимому, принимали участие в их большом набеге на Гамбург. В том же 845 году между Данией и Германией был заключен мир, и с временным прекращением датских набегов прекратились приблизительно на десятилетие и войны на славянской границе. С конца 50-х годов эти войны возобновились с новой силой. Мы имеем известие о том, что летом 858 г. Людовик Немецкий сразу отправил три войска против

славян — одно против моравского князя Ростислава, другое против ободритов и глинян и третье против сербов. О результатах военных действий источник умалчивает, повидимому, немцы не добились в борьбе с славянами никакого успеха. Под 862 г. в Фульдских анналах имеется известие о новом походе немецкого войска, под личным предводительством Людовика, против ободритов. Людовик будто бы подчинил «мятежного» князя ободритов Добомысла и заставил его выдать заложников, среди которых был сын Добомысла. Бертинские анналы, составленные во Франции, рассказывают совсем по-другому об этом походе. Здесь говорится, что король потерял в походе несколько знатных лиц и «не добился никакого успеха».

Во второй половине IX в. усилилось великое моравское государство, постепенно включившее в свой состав не только славян Моравии, Паннонии и Чехии, но также и южную группу полабских славян может быть, до р. Гавелы. Это мощное объединение западных славян решительно ослабило наступательную силу немцев на их восточной границе. В 869 г., во время неудачной для немцев войны с князем Ростиславом моравским, сербы и сусельцы (жившие при слиянии Лабы и Салы) совместно в чехах вторглись на территорию Тюрингии. В 872 г., во время войны преемника Ростислава князя Святополка с немцами, последние снарядили для вторжения на территорию полабских славян большую армию из тюрингов и саксов. При столкновении с славянами (повидимому, сербами) армия эта «обратила тыл» и «позорно бежала». Паника среди немцев дошла до того, что они не оказывали сопротивления даже славянским женщинам, которые сбивали палками беглецов с коней и секли их прутьями. Об этом рассказывает немецкий Фульдский летописец, отнюдь не склонный преувеличивать неудачи немцев¹.

В 874 г. немцы, испытавшие тяжелые поражения от князя Святополка, оставили на некоторое время славян великоморавского государства в покое. Однако столкновения на северо-восточной границе не прекращались. Под 877 г. в Фульдской летописи значится, что «славяне, именуемые глиняне, а также сусельцы и их соседи... отказались давать установленную дань» немцам. Король Людовик (Младший), пославши к славянам послов, будто бы «успокоил их без войны, взял нескольких заложников, а также немалые дары и привел в прежнее рабство». Эти напыщенные слова, очевидно, надо понимать в том смысле, что Людовик, которому по вступлении его на престол было отказано в его притязаниях на взимание дани с славян, не будучи в состоянии подчи-

---

¹ Согласно Фульдской летописи, саксонско-тюрингское войско потерпело поражение от моравов. Однако термин «моравы», очевидно, употреблен здесь в широком смысле, для обозначения славян, входивших в состав великоморавского союза. Из текста летописи видно, что в Моравию и Чехию посланы были в это время особые армии.

нить их силой, стал действовать переговорами и добился обещания мира и выдачи заложников. От взимания дани он вынужден был отказаться, удовольствовавшись дарами. В это время особенно усилился натиск датчан на северную Германию, и славяне нередко принимали участие в их нападениях на Саксонию. В феврале 880 г. соединенные силы датчан и славян (повидимому, ободритов) нанесли страшное поражение саксам. В битве погибли сам герцог саксонский, 12 графов, 2 епископа, 18 приближенных короля Людовика и множество рядовых саксов. «Бесчисленное количество» их попало в плен к победителям. В апреле того же года гломачи, сербы и чехи, воспользовавшись этим поражением саксов, вторглись в Тюрингию. В 885 г. князь Святополк, возобновивший войну с немцами, занял Паннонию и Хорутанию, и эти блестящие успехи не могли не отразиться на положении полабских славян. Укрепивши их независимость немецкий король Арнульф в 889 г. ходил «с великим войском» на ободритов, но поход этот не имел успеха, и король, «распустивши войско, поспешно вернулся во Франкфурт». В дальнейшем Арнульф заключил с ободритами мир, совершенно отказавшись от взимания с них дани. Южнее, однако, продолжались столкновения с сербами. В это время на Лабе появились мадьяры. Еще в 892 г., воюя с Святополком, Арнульф пригласил на помощь мадьяр, которые придвинулись от Тиссы к Дунаю и стали опустошать пределы великоморавского государства (прежде всего нижней Паннонии). Мадьяры, однако, стали грозой и для немцев, и не только на юге, но и на севере. В 906 г. сербы-гломачи, воюя с саксами, соединились с отрядом мадьяр, которые предали огню и мечу значительную часть Саксонии. В дальнейшем мадьяры опустошили Бременское епископство, а славяне — Гамбургское в пределах Нордальбингии.

Около 906 г. окончательно пало под ударами мадьяр расстроенное внутренними смутами великоморавское княжество, и крушение этого грозного для немцев славянского государства не могло не ослабить позиции славян на Лабе. Саксы же — главные исконные враги полабских славян, в это время очень усилились, так как саксонские герцоги сделались с 919 г. германскими королями и воспользовались укреплением своей власти в первую очередь для того, чтобы направить объединенные силы немецких феодалов против политически раздробленного славянства. Тогда-то и началась немецкая агрессия в славянские страны за Лабой, составившая первый этап так называемого «натиска на восток» — Drang nach Osten. Первый король саксонской династии Генрих Птицелов заключил (в 924 г.) десятилетнее перемирие с опустошавшими Германию мадьярами, согласившись платить им дань, и воспользовался передышкой, чтобы произвести коренную реформу саксонского войска. В результате этой реформы им создана была тяжеловооруженная (панцирная) рыцарская конница, и эту

конницу он прежде всего направил за Лабу. По свидетельству историка саксов — Видукинда (X в.) Генрих в 928 г. неожиданно, т. е., очевидно, без всякого объявления войны, «напал на славян, именуемых гавелами, и, истощивши их многими битвами, в конце концов в жестокую зиму, построивши лагери на льду, взял крепость их Бранибор помощью голода, оружия, холода». Затем Генрих пошел на сербское племя гломачей и после двадцатидневной осады овладел их городом Ганою. Разграбивши город, саксы варварски перебили в нем все взрослое — мужское и женское — население, а детей увели в рабство. Этот вопиющий акт немецкой агрессии сразу придал борьбе за Лабой тот кровавый характер, который она сохранила в дальнейшем на протяжении двух с половиной столетий.

Захвативши Бранибор и утвердившись на Гавеле, Генрих воевал с ратарями и другими соседними племенами лютичей и обложил их данью. Вынуждены были платить дань саксам и ободриты. В сентябре 929 г. восставшие ратари взяли один славянский город и истребили всех его жителей. Очевидно, насилия и зверства немцев вызвали ожесточение против них славян и ответные меры воздействия. После этого события, по Видукинду, «восстали все племена варваров». Против ратарей послан был отряд войска под начальством Бернгарда, «коему подчинена была область ратарей». Как видим, немцы уже поделили славянскую землю и отдали ее под власть саксонских графов. Войско, к которому присоединился уполномоченный короля Титмар, двинулось на осаду порока Ленчина на правом берегу Лобы. На выручку осажденному городу явилось большое славянское ополчение, и произошла (4 сентября 929 г.) неудачная для славян битва при Ленчине, которую Видукинд описывает в эпических тонах, преувеличивая славянские потери до невероятной цифры в 200 тыс. человек. Из описания битвы ясно одно: славянская пехота, долго и храбро сопротивлявшаяся немцам, под конец не смогла вынести натиска тяжеловооруженной рыцарской конницы, ударившей во фланг славянского войска. Победа досталась немцам дорогой ценой, так как они потеряли множество воинов, в том числе нескольких представителей знати. Поражение славян едва ли было так жестоко, как изображает его Видукинд. Если бы это было так, осажденные жители Ленчина не смогли бы выговорить себе свободный пропуск из города (правда, без оружия). Выпустивши осажденных, саксонцы, однако, захватили их жен и детей, рабов и все имущество. Неизвестно, входило ли это в условие сдачи, или же немцы действовали обманом. Победители с торжеством вернулись домой, и Генрих, озлобленный уроном, который нанесли славяне саксам, распорядился перебить захваченных в плен 800 безоружных славянских пленников. В своих действиях против лужицких сербов Генрих опирался на

крепость Мерзебург (на Сале), вокруг которой селил всяких уголовных преступников. Этот сброд избавлялся от положенных наказаний и обеспечивался раздачей земель, но ему вменялась в неперемennую обязанность беспощадная борьба с соседними славянами, по отношению к которым все считалось дозволенным. Повидимому, после Ленчинской битвы немцы построили на верхней Эльбе новую крепость Мейссен, базировавшись на которую, они подчинили лужичан и мильтчан и обложили их данью. В стране лужичан была взята и разрушена после долгой осады старинная крепость Любуша. По свидетельству Титмара Мерзебургского (XI в.), Любуша была большим городом с 12-ю воротами и могла вместить в своих стенах до 10 тысяч человек. Полагали, что ее построили римляне. Ниже, через равнину, лежала меньшая крепость. После долгого сопротивления немцам, когда нельзя уже было защищаться в основной крепости, осажденные перешли в меньшую крепость, но в конце концов вынуждены были сдаться.

Подчинение Генрихом I славян за Лабой было очень непрочным. Хотя немцы и содержали в славянской земле свои гарнизоны, но славяне продолжали подчиняться своим прежним князьям и жили по своим старым обычаям, питая непримиримую ненависть к свирепым завоевателям. В 934 г. славяне-ободриты, действуя совместно с датчанами, опустошили северную Саксонию. Генрих, одержавший незадолго перед тем (в 933 г.) победу над мадьярами, вторгся в Ютландию, завоевал Шлезвиг и основал шлезвигскую марку, разъединившую славян и датчан. Вместе с тем Генрих предпринял поход против соседних вагров и обложил их данью. В общем немецкая власть при Генрихе была тверже всего установлена на юге, у лужицких сербов; меньше она признавалась на средней Лabe и еще меньше на севере, у моря.

Немецкая агрессия еще с большей силой продолжалась при преемнике Генриха I Оттоне I (с 936 г.). В начале его правления славяне пытались сбросить с себя немецкое иго и массами поднялись против саксов. В это же время князь Болеслав Чешский нанес кровавое поражение саксам и в частности истребил тот разбойничий сброд, который Генрих Птицелов расселил для борьбы с славянами около Мерзебурга. Оттон лично предпринимал походы против славян, но главным образом действовал через своих уполномоченных. Для более планомерного завоевания славянских областей объединенными силами саксонских феодалов Оттон организовал на Востоке две марки: одна включала в свой состав славянские земли от нижней Лабы до Балтийского моря на севере и реки Пены на востоке, другая обнимала территорию от Салы и средней Лабы до Одры. Первая марка была отдана графу Герману из рода Биллунгов, владевших большими землями по соседству с славянской границей, вторая — некоему Герону, человеку малоизвестному, выдвинутому Оттоном к неудовольствию саксонской

знати. Маркграфы боролись с славянами, пуская в ход не только силу, но и самое подлое вероломство. Хищный Герон однажды пригласил к себе 30 славянских князей и во время пира злодейски их всех умертвил. Это было неслыханным нарушением свято чтимого славянами гостеприимства, и они ответили на злодейство Герона общим восстанием. Поднялись и лютичи и ободриты; последние истребили высланное против них целое немецкое войско вместе с вождем его Гайкою. По словам историка саксов Видукинда (писавшего в X в.), славяне «войну решительно предпочитали миру, готовые нести всякие бедствия ради дорогой им свободы». И вот, продолжает Видукинд, «проходит уже много дней, когда с переменным счастьем сражаются одни (саксы) из-за славы и за обширное владичество, другие же (славяне) за свободу и из-за крайнего рабства». Повидимому, во время этого восстания славян за свою свободу и независимость ими обратно был взят Бранибор, когда-то завоеванный Генрихом I. Скоро, однако, немцы снова изменой овладели этой важной крепостью, «и тогда, по словам Видукинда, все варварские племена до самой Одры подчинились королю, как епо данники».

В дальнейшем в течение 13 лет за Лабой было сравнительно спокойно. Укрепляя в завоеванной стране свое господство, немцы строили здесь крепости, ставили в этих крепостях гарнизоны и хищнически облагали население данью (деньгами и натурой). Вместе с тем у славян отбирали много земель, которые поступали немецким феодалам. Всей этой хищнической политикой руководили маркграфы, которым подчинялись начальники отдельных крепостей в марках. Именно они собирали с славян дань деньгами и натурой и брали пошлины с купли-продажи в пользу немцев, подавляя всякое сопротивление вооруженною силою. Все же славяне постоянно отказывались нести наложенные на них поборы, и хищный Герон, расплачивавшийся со своими головорезами данью с покоренных, не раз оказывался в очень затруднительном положении. Недовольные малым вознаграждением за свои разбои, помощники Герона, по словам Видукинда, прониклись по отношению к нему «мятежной ненавистью». А так как Герону неизменно покровительствовал король, они перенесли свою ненависть и на короля. Всем этим воспользовался брат короля Генрих, сам мечтавший о королевской короне. Он организовал заговор с тем, чтобы убить короля на Пасху (941 г.) в Кведлинбурге. Заговор, однако, не удался, и заговорщики понесли тяжкие наказания. Все это чрезвычайно характерно для нравов немецких завоевателей и для разоблачения «учения» немецких фашистов о том, что немцы якобы дружными усилиями совершали за Лабой какое-то великое национальное дело во имя блага немецкого народа. Просто, как видим, каждый из завоевателей стремился урвать в славянской

земле как можно больше добычи и не прочь был ополчиться против своих же немцев, если видел в них помеху к обогащению.

Немецкое господство за Лабой Оттон I стремился укрепить христианизацией. По известию Адама Бременского (XI в.), Оттон, подчинивши своей власти «все славянские шароды», всех их заставил креститься, причем «впервые тогда в славянской земле были воздвигнуты церкви». Были организованы у славян новые епископства: в 30-х годах епископство Старградское (Ольденбургское) для области ободритов, в 40-х годах епископства Гавельбергское и Браниборское для области лютичей. Все три епископства подчинялись Гамбургско-Бременской метрополии. Позднее были образованы три епископства для сербо-лужицких областей — Мерзербургское и Цейское для территории по левую и Мейссенское — для территории по правую сторону Лабы (лужичан и мильчан). Эти три епископства были подчинены организованному в 968 году архиепископству Магдебургскому.

Христианизация, насильственно проводимая немцами в славянской земле, была средством чисто политического воздействия, орудием невыносимого рабства. И если у восточных и южных славян принятие христианства от выевокультурной Византии знаменовало собой начало национальной письменности, и, следовательно, давало толчок к развитию национальной культуры, то ничего подобного не наблюдалось у славян за Эльбой. Здесь христианство, проповедуемое на чужом языке, наоборот, подавляло местную культуру и являлось радикальным средством онемечения, и притом онемечения не в смысле приобщения к христианско-немецкой культуре, а в смысле подавления всякого сопротивления иноземным завоевателям. Немцы никогда и не сомнелись о том, чтобы дать равноправие славянам-христианам: последние наравне с язычниками одинаково страдали от немецкого рабства. Когда немецкий епископ в ответ на сетования варгского князя Прибыслава, жаловавшегося на угнетения немцев, объяснял эти угнетения язычеством славян и советовал им креститься, Прибыслав с горечью заметил: «Дайте нам права саксов в отношении наших земель и наших доходов, и мы охотно будем христианами, построим церкви и будем уплачивать десятины». Но немцы как раз равноправия славянам и не давали. Христианство было ненавистно славянам, как результат тяжелого немецкого ита и как средство закрепления этого ита. Вот почему все восстания славян против немцев шли под знаком борьбы с христианством за чистое язычество. По словам Гельмольда, славяне предпочитали лучше погибнуть, чем быть христианами и платить подати саксам. Духовенство в славянской земле сплошь было немецкое, и для него проповедь евангелия была просто средством вымогательства и обогащения. О епископах Старградских, которым подчинены были ободриты, Гельмольд говорит, что «щедротами великого государя

Оттона они наделены были избытками благ земных, получивши в славянской земле обширные поместья, дворцы, города и, кроме того, собирая со всей области ободритов дань, платимую взамен десятины, именно «с каждой сохи по мере зерна, 40 пучков льна и 12 полновесных серебряных монет, да еще по монете в пользу сборщика». Это были, конечно, тяжелые поборы, и если еще учесть, что славяне платили дань саксонским князьям, то станет очевидным, что они в сущности должны были работать на немцев.

Смуты в Германии в 50-х годах, выразившиеся в восстании против Оттона I, его сына и зятя, ослабили силу немцев за Лабой. Среди самих саксонских князей произошли ссоры. Пользуясь благоприятными обстоятельствами, ободриты перешли в наступление и весной 955 г. вторглись в Саксонию. Славяне осадили один город, в котором укрылось множество народа, и вынудили его сдаться на капитуляцию. Несоблюдение саксами условий капитуляции и их вызывающее поведение повело к избиению славянами всех сдавшихся мужчин и к захвату их жен и детей в рабство. Немцам не повезло также на Тюрингской границе. Дитрих — заместитель Герона (который, повидимому, ходил в это время с Оттоном на мадьяр), в походе против славян сжег одну славянскую крепость, но при возвращении попал среди болотистой местности в засаду; часть немцев была перебита, прочие же по-зорно бежали.

Одержавши победу над мадьярами, Оттон осенью 955 г. лично предпринял поход за Лабу. Славяне послали к Оттону послов, предлагая платить дань, если им будет оставлено их внутреннее устройство. Лишь на этих условиях они предлагали мир, в противном же случае грозили оружием защищать свою свободу. Король требовал удовлетворения за избиение немцев. Мир не состоялся, и Оттон, предавая все огню и мечу, углубился в славянскую территорию. В болотистой местности король оказался окруженным славянским войском, и его армия, страдавшая от голода и болезней, очутилась на краю гибели. Оттон вынужден был начать переговоры о мире, которые не привели ни к каким результатам. Немцам все же удалось выйти из затруднительного положения. С помощью союзных руян они построили мосты через реку Раксу¹ и переправились через нее там, где славяне этого не ожидали. В завязавшейся битве дело опять решило в пользу немцев их тяжелая конница, против которой не могла устоять славянская пехота. Славяне были разбиты, и их предводитель князь Стойгнев был убит. На другой день немцы зверски казнили 700 славянских пленников, а у главного советника Стойгнева выкололи глаза, вырезали язык и в таком виде оставили его среди убитых.

---

¹ Местоположение её неизвестно. Может быть, это Рекница, протекавшая к западу от Пены и впадавшая в Балтийское море.

Несчастливая битва при Раксе не сломила сопротивления славян. Особенно стойко держались воинственные ратари, которых Оттон никак не мог подчинить своей власти. Озлобленный упорным сопротивлением этого племени, Оттон особым письмом, посланным из Италии, предписывал саксонским князьям принять против него самые жестокие меры. «Вы знаете, писал Оттон, как часто нарушали они клятву, сколько учинили обид. Никак поэтому не заключайте с ними мира... Ополчитесь на них всеми своими силами и истреблением их положите конец этому делу. Мы сами пойдем на них, если это будет необходимо». Видукинд сообщает, что, обсудивши письмо Оттона в народном собрании, саксонские князья все же решили держать с ратарами мир, так как была война с датчанами и «недоставало войска, чтобы вести две войны одновременно». Надо думать, что не только ратари, но и все 4 основных племени союза лютичей фактически отстаивали свою независимость при Оттоне, и их величественный храм бога Саврожича в Ретре по-прежнему оставался центром сопротивления немцам за Лабой. Немецкое господство вместе с христианством фактически признавали из лютицких племен только племена на Гавеле. Ободритские племена вынуждены были платить немцам тяжелую дань, но подчинялись своим князьям, которые всячески старались ослабить немецкое иго. Хуже всего было положение славян на юге. Здесь хищный Герон воевал с непокорными лужичанами и, по словам Видукинды, «принудил их к крайнему рабству», хотя при этом погиб целый ряд представителей саксонской знати, и в том числе племянник Герона, а сам он был тяжело ранен. По смерти Герона (в 965 г.) его обширная марка распалась: особые маркграфы были поставлены для областей лужичан, мильтчан и лютичей. Позднее эти области выделились как марка Лаузиц, марка Мейссен и северная марка.

3. Ослабление зависимости от немцев при последних королях саксонской династии. Усиление княжеской власти у ободритов. Независимость лютичей. Немецкое влияние у сербов.

Известно, что ближайшие преемники Оттона I — Оттон II и Оттон III — заняты были, главным образом, итальянскими делами и мало интересовались событиями на восточной границе империи. «По этой причине, — говорит немецкий хронист, — славяне стали понемногу уклоняться от выполнения не только божеских законов, но и велений императорских». По словам того же хрониста, герцог Саксонский Беннон (преемник умершего в 973 г. Германа) имел за Лабой у ободритов «только тень власти». Сошла на нет и власть Старпрудского епископа, и его обширные земли и доходы были захвачены местными славянскими князьями. Еще хуже для немцев обстояло дело у лютичей. Уже в 977 г. лютичи на Гавеле отпали от христианства, а в 983 г., когда за Эльбой

распространилась весть о тяжелом поражении Оттона II в Италии в борьбе с арабами, они подняли восстание против немцев. Взявши Гавельберг и Бранибор (летом 983 г.), лютичи разорили христианские церкви и истребили христианских священников. Восстание, таким образом, проходило под флагом возвращения к язычеству, которое являлось символом независимости от немцев. Поднимались и ободриты: ободритский князь Местивой разграбил сжег Гамбург. Славяне грозили даже Саксонии. По свидетельству Титмара Мерзебургского, шеее и конное славянское войско в количестве 30 полков, с развернутыми знаменами и трубными звуками двинулось на саксов, и саксонским князьям стоило больших усилий остановить этот натиск. Так в 983 г. кончилась зависимость лютичей от немцев вместе с христианством. Ободриты некоторое время еще продолжали формально признавать немецкое верховенство, но в 1002 г. они подняли восстание. Подобно лютичам, ободриты разрушили христианские церкви, перебили священников и, перейдя в наступление против немцев, опустошили Нордальбингию и снова сожгли Гамбург. В это время по соседству с полабскими славянами сложилось мощное польское государство Болеслава Храброго. Когда Болеслав Храбрый стал распространять свою власть на территорию по левую сторону Одры, он столкнулся не только с немцами, но и с лютичами, не желавшими подчиняться польскому князю. Лютичи (так же, как и чехи) заключили временный союз с германским императором Генрихом II и, по словам Титмара Мерзебургского, «из врагов сделались его наилучшими друзьями». Генрих II всячески заискивал у своих храбрых славянских союзников, чувствуя их послов у себя в Кведлинбурге и обращаясь с ними как с рыцарями. Признавши полную независимость лютичей от империи, Генрих II предоставил им жить по языческим обычаям и заставлял своих приближенных уважать эти обычаи. Титмар рассказывает, что когда однажды во время похода один из знатных саксов бросил камень в изображение божини на боевом знамени лютичей, император смягчил их гнев уплатой огромного штрафа в 12 талантов. Лютичи в качестве союзников Генриха II ходили даже за Рейн усмирять восставших против императора епископа Мецкого и пфальцграфа Генриха, причем по обычаю язычников не ложили христианских церквей и церковного имущества.

В войнах Болеслава Храброго с немцами позиция лютичей, однако, была очень двусмысленной. Они не всегда участвовали в походах немцев против поляков и даже вступали тайно от императора в переговоры с польским князем. Так, в 1010 г. они не пошли с немцами против Болеслава, а когда немцы достигли крепости Ярина в лужицкой земле, там были схвачены два брата из племени гавелов, из Бранибора. Оказывается, они ездили к Болеславу договариваться о совместных действиях против нем-

цев. Очевидно, лютичи лавировали между немцами и поляками, не желая подчиняться ни тем, ни другим. И в общем они добились своей цели. Болеслав Храбрый, подчинивший своей власти южную группу полабских славян (лужичан и мильчан), а также поморян, отказался от мысли включить в состав своего государства лютичей и ободритов.

Последние еще раньше, после вступления на престол Генриха II, повидимому, снова признали власть немцев и саксонского герцога и опять допустили к себе христианское духовенство. Однако, это подчинение ободритов продолжалось недолго. Уже в начале 1018 г. они с помощью лютичей прогнали от себя своего князя, очевидно, державшего сторону немцев, и снова уничтожили у себя христианство. Через несколько лет, впрочем, княжеская власть у ободритов была восстановлена, а вместе с тем восстановлена была и власть саксонского герцога. Епископ Старградский, вернувшийся в свою епархию, не мог добиться восстановления сбора в свою пользу церковной десятины и возвращения тех земель, которые когда-то были пожалованы Старградской церкви Оттоном I. При этом ни князья ободритов, ни саксонский герцог нисколько не заботились о восстановлении старых порядков. Герцог видел в епископе своего конкурента по сбору дани с славян и ничем не хотел поступиться в его пользу. В конце концов епископ, не имея обычных средств для содержания своего клира, вынужден был покинуть свою епархию.

Из князей ободритов один лишь Уто (или Прибытнов) был христианином, прочие князья держались язычества. Князь Уто хотел воспитать своего сына в христианском духе и отдал его в монастырскую школу в Люнебурге. Начальником школы был Готшалк, по имени которого и его питомец, сын Уто, стал именоваться Готшалком. Во время пребывания Готшалка в школе отец его был убит одним саксонским перебежчиком, и Готшалк, бежавши на родину, выступил в качестве неумолимого мстителя немцам за смерть отца. Набравши большой отряд славянских удалцов, он опустошил Нордальбингию и истребил тысячи немцев (1029—1032 гг.). В одну из стычек с саксами Готшалк попал в плен к герцогу, но почему-то был им отпущен и ушел к датчанам. Вместе с датчанами он принимал участие в их морских экспедициях (между прочим в экспедициях в Англию) и породнился с датским королевским домом, женившись на дочери племянника короля Кнута-Свена Астрдсона.

У ободритов после убийства Уто княжил Ратибор, продолжавший платить дань саксам. У Ратибора было 8 сыновей и все они были князьями славян, подчиняясь верховной власти отца. Ратибор правил не только собственно ободритами, но также ваграми и полабами, а на востоке его власть, повидимому, признавали и лютичи. В войне с датчанами Ратибор потерпел поражение

и погиб в битве. Желая отомстить за смерть отца, сыновья Ратибора вторглись с войском в глубь датской территории, но все погибли в битве с датчанами, которым помогали саксы. Это было осенью 1044 года. С гибелью всего дома Ратибора Готшалк, неудачно пытавшийся поддержать восстание своего тестя против датского короля Магнуса, вернулся домой и вступил во владение отцовским наследством. Ему подчинились все ободритские племена, продолжавшие вместе с тем платить дань и саксонскому герцогу.

После смерти Болеслава Храброго поляны лишились территории лужичан и милчан, вновь захваченных немцами, а также Поморья, подчинившегося датскому королю Кнуту. Лютичи, которым перестала грозить опасность польского завоевания, немедленно прекратили свою двусмысленную дружбу с немцами и снова стали вторгаться на территории саксов. В 1033 г. во время одного из таких вторжений они истребили целый отряд саксов во главе с графом. Император Конрад II, верховную власть которого формально признавали не только саксы, но и лютичи, явившись в Саксонию, выступил как судья ссоры славян с немцами. Славяне обвиняли саксов и предложили доказать свою правоту судебным поединком. Предложение было принято, и в состоявшемся единоборстве славянина и сакса победил славянин. Эта победа чрезвычайно воодушевила лютичей и, по словам немецкого хрониста, они истребили бы всех присутствовавших саксов, если бы не было императора. Конрад II очень хорошо понимал настроение лютичей и, опасаясь усиления их набегов, распорядился для защиты от них построить крепость Вербен. Однако, уже в 1035 г. лютичи взяли эту крепость, причем многих саксов перебили, а многих увели в плен. Тогда император сам во главе войска перешел Лабу и в борьбе с лютичами повторил зверства времен Генриха и Оттона: увечил и предавал мучительной смерти славянских пленников. Немецкий хронист прославляет за это императора, сравнивая его с Титом и Веспасианом. В следующем году император предпринял новый поход за Лабу, кончившийся соглашением с лютичами, которые дали заложников и снова согласились уплачивать дань немцам. При преемнике Конрада II Генрихе III над лютичами вновь был поставлен особый маркграф. Тогда же Мейссен был объединен с Тюрингией под властью одного маркграфа.

4. Ободритское государство Готшалка. Князь Крутой и его победы над немцами. Славянское государство Генриха. Новое наступление немцев на славянские земли после крушения государства Генриха.

У ободритов правление Готшалка положило начало большому славянскому государству с единою княжескою властью, просуществовавшему около столетия. В виду скудости источников у нас

почти нет данных об устройстве этого государства и внутренней политике Готшалка и его преемников. Несомненно, однако, что Готшалк старался усилить свою власть, опираясь на дружину и противопоставляя ее старинной родовой знати и жречеству. Подобно соседним чешским и польским князьям он держался христианства и усиленно насаждал его у подвластных славянских племен, лично разясняя народу на родном языке то христианское вероучение, которое проповедывалось на латинском языке католическим духовенством. Повидимому, христианизацию Готшалк считал необходимым условием существования ободритского государства, которое он хотел включить в систему империи в качестве самостоятельного славянского княжества, подобного Чехии и Польше. Могучим покровителем Готшалка явился архиепископ Гамбургско-Бременской метрополии Адальберт, игравший при Генрихе III и в первые годы после его смерти выдающуюся роль в имперской политике и мечтавший об образовании на севере Европы особой независимой патриархии. В систему этой патриархии должны были входить три образованных на территории государства Готшалка епископства — Мекленбургское, Ратиборское (Рацербургское) и Старградское. Адальберту был неизменно враждебен саксонский герцог, ссорившийся с архиепископом из-за судебных и иных прав, а также из-за обладания рядом территорий в Саксонии, и надо полагать, что Готшалк, уплачивая дань герцогу, все же в значительной мере парализовал его власть дружбою с Адальбертом. Соперничество светской и духовной власти у немцев как нельзя лучше могло содействовать утверждению самостоятельности ободритского государства.

Христианство в государстве Готшалка не получило всеобщего распространения даже формально. Есть известие, что его признавала лишь третья часть населения; остальное же население упорно продолжало держаться язычества. Вместе с язычеством держался старый родовой сепаратизм и вражда к немцам. Соседняя Нордальбингия продолжала подвергаться опустошительным славянским набегам до самого Гамбурга, а соперничество герцога и архиепископа мешало немцам организовать защиту от этих набегов. Герцог прямо даже противодействовал этой защите, подговоривши население разрушить одну крепость, воздвигнутую архиепископом для отражения славянских вторжений. В ответ на это Адальберт отлучил нордальбингцев от церкви.

Вместе с ободритами не переставали бороться со своими соседями и лютичи. Опустошая морскими набегами острова и берега Дании, они вместе с тем совершали набеги за Лабу. Один такой набег отмечен под 1045 г. Другой большой набег последовал через 10 лет, в 1055 г. Выступившее против вторгшихся лютичей немецкое войско было разбито, причем много саксов было убито и взято в плен. В следующем году император Генрих III

снарядил большое войско в славянскую землю, но лютичи загнали это войско в болотистую местность при впадении Гавелы в Лабу, около крепости Прислава, и нанесли ему страшное поражение. В битве погибли сам маркграф Старой марки Вильгельм и два графа со множеством воинов. Те, кому удалось уйти от славянского меча, утонули в Гавеле и Лабе. Рассказывают, что император Генрих III умер от огорчения, узнавши об этом поражении. Вскоре после этих успехов начались кровавые усобицы в союзе лютичей, ослабившие их силу. Немецкие хронисты объясняют эти усобицы отказом племени черепенян признавать гегемонию ратарей и платить установленную дань их храму бога Сварожича в Ретре. В начавшейся войне с ратарями, черепенян, по одному известию, поддерживали хижане; по другому известию, они одни противостояли трем племенам, и притом настолько успешно, что ратари и их союзники, не будучи в состоянии справиться с черепенянами собственными силами, призвали на помощь датского короля, саксонского герцога и Готшалка. Черепеняне, однако, храбро сражались и против этих союзников, но в конце концов, понеся большие потери, вынуждены были откупиться от них за большую сумму денег. От этих междоусобиц внутри союза лютичей выпал Готшалк, так как ослабленные борьбой черепеняне с хижанами вынуждены были подчиниться его власти. Таким образом, на востоке государство Готшалка раздвинулось до Пены.

Государство Готшалка оказалось очень непрочным, так как слишком еще сильны были среди ободритов родовые порядки, мешавшие образованию у них сильной центральной власти. Налоги, которые платили ободриты своему князю и немцам, тяжелым бременем ложились на население, которое смотрело на князя-христианина, как на ставленника и проводника политики немцев. Последовавшее в 1066 г. окончательное падение Адальберта Гамбургского лишило Готшалка и действовавшее за Эльбой духовенство могущественного покровителя, а непрекращавшиеся в малолетство Генриха IV смуты в Германии подняли дух языческой партии, руководимой жречеством. В начале июня 1066 г. против Готшалка вспыхнуло восстание, инициатива которого шла, надо думать, от лютичей, из языческой Ретры. Готшалк был убит, а вместе с ним погибло много христиан, особенно духовенства. Епископ Мекленбургский, захваченный в плен, был приведен в Ретру и здесь принесен в жертву богу Сварожичу.

Восстание 1066 г. закончилось с господством немцев и с христианством за нижней Лабой. Провозглашенный князем ободритов Крутой, родом с о. Руяны, был в полном смысле народным князем, так как вся его политика была проникнута общенародным стремлением дать решительный отпор немецкой агрессии. К сожалению, мы имеем очень мало данных о деятельности Крутого, правившего у ободритов с 1066 по 1093 г., так как немецкие хронисты очень

мало говорят об этом крайне несимпатичном им славянском князе. Отбивши попытку одного из сыновей Готпалька — Буту — вернуть с помощью саксов отцовские права, Крутой перешел в энергичное наступление против немцев. Он отодвинул границы своего княжества до устьев Лабы и в течение почти 30 лет навел ужас на саксов. Захвативши Нордалыбингию, Крутой подчинил своей власти ее жителей, сжег Гамбург и разрушил Шлезвиг. О какой-нибудь дани немцам и об уплате десятины церкви при Крутом, конечно, не могло быть и речи. Наоборот, немцы Нордалыбингии платили дань славянам, каковое обстоятельство заставило несколько сот саксонских семейств выселиться в глубь Германии. Смуты в Германии, выразившиеся в восстании саксонских князей против Генриха IV, как нельзя больше способствовали торжеству политики Крутого и утверждению независимости ободритов. Что касается лютичей, то их старались переманить на свою сторону в это смутное для Германии время и Генрих IV и враждебные ему князья Саксонии: первый предлагал им большую сумму денег за выступление против князей и обещал утвердить за ними все, что они захватят в Саксонии; вторые соблазняли их еще бóльшую сумму за сохранение нейтралитета. По известиям немецких хронистов, у лютичей возникли большие споры по вопросу о линии поведения в отношении немцев; споры эти повели к кровавым усобицам и гибели тысячи жизней. Несомненно, что у лютичей, в противоположность ободритам, не было единства в тот момент, когда они могли бы добиться многого в смысле укрепления своей независимости, если бы выступили общими силами. Старые и новые усобицы привели лютичей к тому, что, отказавшись от выступления против исконных своих врагов — саксонских феодалов, они вступили с ними в соглашение, удовольствовавшись получением с них обещанной платы. Крутой, воюя с немцами, воевал вместе с тем с датчанами. Младший сын погибшего Готпалька — Генрих убежал после убийства отца к своему родственнику, датскому королю, и организовал набеги датского флота на побережье государства Крутого. Желая положить конец этим набегам, Крутой пригласил Генриха к себе и наделил его землями. Очевидно, старый князь ободритов, не имея потомства, хотел сделать Генриха своим наследником и таким образом положить конец вражде сильного своими связями в Дании и Саксонии рода Готпалька к ободритам. Генрих отплатил Крутому самой черной неблагодарностью: по соглашению с молодой женой престарелого ободритского князя Славиною он пригласил его однажды на пир и вероломно лишил жизни рукою датского убийцы.

По словам Гельмольда, Генрих, после убийства Крутого, женился на Славине, захватил княжество и все крепости убитого и «воздал имение врагам своим». Убийство Крутого, повидимому, было полной неожиданностью для ободритов, Генрих же тщательно

подготовил переворот, заранее обеспечивши захват всех важных военных пунктов в княжестве Крутого при помощи своих клевретов, на вербованных главным образом из датчан. Зная, что славяне его не признают, Генрих сразу же стал искать опоры в герцоге Саксонском Магнусе, своем родственнике, и в саксах Нордальбингии. Последние заключили с Генрихом союз на жизнь и на смерть, так как радовались, по словам немецкого хрониста, тибели «великого недруга своего» — князя Крутого, «предававшего их смерти, плену и истреблению». Так сразу же определился характер власти Генриха, опиравшегося на чуждую, враждебную славянам силу. С помощью этой силы Генрих разбил восставших славян при Смилове (в земле полабов) и снова заставил их платить дань саксонскому герцогу. Нордальбингия была возвращена немцам и стала управляться особым графом. Однако восстанавливать христианство у славян Генрих не решался и удовлетворялся только постройкой одной единственной церкви в своей резиденции в Любеке. По словам хрониста, Генрих установил в земле ободритов мир «и предписал народу славян, чтобы каждый муж возделывал свое поле и выполнял труд полезный и добрый».

Гибель Крутого ослабила общую позицию славян за Эльбой и дала новый толчок немецкой агрессии. Немцы перешли в наступление и на Гавеле и в 1101 г. после четырехмесячной осады завладели ключом долины Гавелы Бранибором.

В 1106 г., со смертью герцога Магнуса, кончилась мужская линия рода Биллунгов, в течение 170 лет чинивших разбой в славянской земле на Лаббе и за Лабой. Герцогство саксонское было дано Генрихом V графу Лотарю, но значительная часть владений Биллунгов, в том числе Люнебург, досталась герцогу Баварии Генриху Гордому Вельфу, за которого вышла замуж одна из дочерей Магнуса. Другая дочь Магнуса вышла замуж за Оттона, из рода Асканиев, которому тоже досталась часть родовых земель Биллунгов в Саксонии. Сыном Генриха Гордого был Генрих Лев, а сыном Оттона — Альбрехт Медведь. Такова родословная двух новых немецких хищников, ставших главными организаторами немецкой агрессии за Лабой в XII веке.

Мир в княжестве Генриха, о котором в напыщенных словах говорит немецкий хронист, оказался непрочным. В 1100 г. славяне напали на Нордальбингию, причем в засаде погиб сам граф Нордальбингский (Голштинский) Готфрид с отрядом воинов. Против поднявшихся славян лично выступил новый герцог саксонский Лотарь, который будто бы взял 9 крепостей у славян и опустошил их землю. Графство Голштинское Лотарь отдал графу Адольфу фон Шауэнбургу.

Действия немцев в славянской земле укрепили позицию Генриха у ободритов. Но у него начались войны с датчанами и руянами. Новый король датский Нильс завладел землями Генриха в

Дании, доставшимися ему от матери. Генрих в ответ на этот захват опустошил территорию Шлезвига. Датчане не оказали большого сопротивления, но, повидимому, не без их содействия против славянского князя выступили руяне, по некоторым известиям платившие тогда дань датчанам. Руянский флот вошел в устье Травны, на которой был расположен Любек, и бежавший из своей столицы Генрих с помощью графа голштинского Рудольфа отразил натиск воинственных соседей. Тем временем восстали против немцев брижане и стодоряне областей Гавельберга и Бранибора, и Генрих ходил совместно с голштинцами усмирять их, хотя они не входили в состав его княжества. Этот поход как нельзя более подчеркивает солидарность Генриха ободритского с немцами и антиславянский характер его политики. Славянский князь, по словам Гельмольда, боялся, как бы пример мятежников не поднял расположенные по соседству восточные племена и не поколебал его собственную власть. Вот почему он и пошел сражаться рука об руку против славян в интересах саксонских князей, которые отождествлял с своими собственными интересами. Когда Генрих осаждал Гавельберг, сын его Мистуй совершил разбойничий набег на соседнее мирное славянское племя глинян и захватил там богатую добычу и пленных. Генрих приветствовал эту «победу» и грабительство своего сына. Вскоре после этого события восставшие брижане и другие покорились Генриху и выдали заложников. Тогда Генрих вернулся домой вместе с своими союзниками голштинцами, которые, надо думать, пристали к его экспедиции исключительно из-за жадности добычи.

По возвращении Генриха из похода на Гавелу возобновилась его война с датчанами. Датчане предприняли экспедицию к берегам Вагрии и высадили с своих судов пехотное войско. Произошла битва датчан с славянами, подробное описание которой дано датским хронистом Саксоном Грамматиком. Согласно этому описанию, прекрасная славянская конница нанесла полное поражение датской пехоте; лишь жалкие остатки ее спаслись на корабли, и славяне издевались над датчанами, именуя их трусами. Конное войско, разгромившее датчан, это, очевидно, избранная дружина Генриха, при помощи которой он не только одерживал победы над внешним врагом, но и держал в повиновении славянские племена.

Повидимому, в связи с датскими войнами стоят два похода Генриха против руян, которые он предпринимал при деятельной поддержке немцев. Войско зимой прошло по льду до Руяны и вернулось лишь после того, как верховный скреп Арконы согласился заплатить большой выкуп. Выкуп, однако, не был уплачен, и в следующем, 1114, году Генрих вновь пошел на Руяну. На этот раз он был совместно с герцогом саксонским Лотарем, который принял на себя верховное командование войском. Надо думать, что перспектива сбора большого выкупа с руян разогнала аппетит саксов и

побудила их идти против славянского острова вместе с Генрихом. Поход, однако, был неудачен, так как союзное войско в виду не-твердости льда на море не могло проникнуть на остров.

В качестве опасного соперника Генриха на севере выступил племянник датского короля Нильса, Кнут, которому был уступлен Шлезвиг. По известиям Саксона Грамматика, однажды внезапным набегом Кнут чуть было не захватил самого Генриха в Любеке. В другой раз он опустошил Вагрию. В конце концов последовало, однако, примирение Генриха с Кнутом, и через посредничество Кнута ободритский князь заключил даже мир с Данией. В последние годы жизни Генриха его государство охватывало территорию вагров, полабов, ободритов, хижан, черезвнян и некоторых других лютицких племен. Ему платили даже дань поморяне за Одером, и таким образом граница его государства простиралась до самой Польши. По словам немецкого хрониста, Генриха именовали королем во всей земле славян и нордальбинтов.

Генрих ободритский умер в 1119 г., по одному известию — насильственной смертью. Тотчас же его большое государство, державшееся на внешней силе и принуждении, распалось. Сыновья Генриха начали междоусобную борьбу, во время которой один из них погиб. Воспользовавшись междоусобицей, некоторые славянские племена отказались платить дань оставшемуся в живых сыну Генриха Святополку. Следуя примеру отца, Святополк опирался на немцев: он призывал на помощь графа Адольфа голштинского и самого герцога Лотаря против непокорных ободритов и хижан. Дальше территории хижан власть Святополка не распространялась. Руяне были неизменно ему враждебны. Они сделали успешный набег на местопребывание князя — Любек, опустошили город и крепость и ушли с большой добычей. Вскоре после этого Святополк был убит одним голштинцем. Был скоро убит и сын его Званко, и род Генриха прекратился. Этот род, как видим, был враждебен славянам, являясь проводником немецкого влияния и до известной степени немецкой агрессии за Эльбой.

Рассматривая вакантное княжество ободритов, как свое достояние, герцог Лотарь продал его за большую сумму Кнуту, владельцу Шлезвига, который стал именоваться королем ободритов. Обосновавшись в Вагрии, Кнут построил здесь крепость Эльберг и отсюда стал делать совместно с голштинцами набеги на отданную ему Лотарем территорию, население которой, руководимое своими старшинами, не хотело признавать нового ставленника немцев. В борьбе с славянами Кнут взял в плен племянника Генриха — Прибыслава и старейшину ободритов — знаменитого впоследствии Чильота. Он заковал своих пленников в цепи и держал в заключении в Шлезвиге до тех пор, пока они не согласились заплатить выкуп и признать над собою власть Кнута. Кнуту, однако, мешал укрепиться у ободритов соперничавший с ним граф Адольф Гол-

штинский. Считая опасным для себя Эльберг, он захватил правителя крепости, а самую крепость, повидимому, разрушил.

В 1131 г. Кнут был убит, и славяне, пользуясь смутами в Дании, свергли датское и вместе с тем немецкое иго. Никлот стал князем у ободритов, и Прибыслав — у вагров и шолабов. Поморяне и часть лютичей, управляемые князем Вартиславом, подчинились Польше, и лишь руяне числились данниками датчан. Лотарь саксонский, ставши королем, пытался вновь подчинить отложившихся славян своей власти и с этой целью предпринял поход на их территорию. Поход этот, однако, не имел осознательных результатов: в бывшем государстве Генриха попрежнему продолжали править Прибыслав и Никлот, оба противники немцев и христианства, признававшие верховную власть Лотаря только формально.

В 1134 г. Лотарь, по совету священника Виделина, мечтавшего вновь насадить среди эльбских славян христианство, восстановил разрушенную крепость Эльберг на Травне, которую называли Сигиберг, что значит «Гора победы». Около нее была выстроена церковь, наделенная доходами с соседних земельных угодий. Сигиберг должен был стать оплотом новой немецкой агрессии за Эльбу. Однако, смерть Лотаря (1137 г.) и последовавшие за ней смуты в Германии задержали более чем на десятилетие эту агрессию. Зять умершего Лотаря — Генрих Вельф, унаследовавший от тестя герцогство Саксонское и обманутый в своих надеждах получить королевский престол Германии, не признал избранного князьями короля Конрада франкского и вступил с ним в борьбу. Против Генриха король Конрад поднял сына Оттона Аскания Альбрехта Медведя, которому Лотарь в 1134 г. отдал северную марку. Воспользовавшись тем, что Альбрехт Медведь в качестве наследника Биллунгов имел такие же права на герцогство саксонское, как и Вельфы, Конрад передал ему это герцогство, отнявши его у Генриха. Альбрехт — Медведь одержал ряд побед над саксонскими князьями, поддерживавшими Вельфов, и захватил почти всю Саксонию. Из Нордальбингии он выгнал не признававшего его Адольфа фон Шауэнбурга и поставил здесь графом Генриха фон Бадвиде.

Славяне не преминули воспользоваться смутами в Саксонии, чтобы перейти в наступление против немцев. В 1138 г. Прибыслав вагрский напал на пригород Сигиберга и разрушил его. Много немцев было при этом убито, много захвачено в плен. Вагры производили постоянные набеги на Голштинию, голштинцы в свою очередь производили набеги на славянские земли. К сожалению, во время этих столкновений руяне заняли враждебную ваграм позицию и тем ослабили их силу. Один из потомков Крутого, Ратибор, в свое время укрывшийся на Руяне, во время похода Прибыслава на Сигиберг, совершил нападение на Любек. Он вошел с

флотом в устье Травны и опустошил город. С той поры старая столица Генриха ободритского превратилась в захудалую деревушку, населенную рыбаками. Когда в 1142 г. кончилась борьба князей в Саксонии и сын Генриха Гордого Вельфа, Генрих Лев, был признан саксонским герцогом, а Альбрехту Медведю была предоставлена Старая Марка, немцы перешли в решительное наступление за нижней Лабой и захватили всю территорию княжества Прибыслава, которую поделили (в 1142 г.) вернувшийся в свое графство Адольф и ставленник Альбрехта Генрих: первый захватил Сигиберг и Вагрию, второй — Рацебург (Ратибор) и область полабов. Впрочем, в приморской Вагрии славянам была предоставлена известная самостоятельность, и они продолжали управляться собственными князьями. Но они были обложены невыносимыми поборами в пользу немцев. «Поставленные над нами (немецкие) князья, — говорил князь Вагрии Прибыслав, — так жестоко обращаются с нами, что из-за поборов и тятчайшего рабства лучше бы нам не жить, а умереть». В течение года Генрих Лев взял с Вагрии, по словам Прибыслава, тысячу марок, да еще граф Адольф сто. Но и этого было мало немецким хищникам: они ежедневно обирали жителей «до полного истощения». «Что нам остается, заявил Прибыслав, кроме того, чтобы броситься в море и жить с морскими тучинами?». Этими словами Прибыслав хотел сказать, что насилия немцев заставляли многих вагров пускаться в рискованные морские экспедиции, и им приходилось менять мирные сельскохозяйственные занятия на вольный промысел пирата. И действительно, Вагрия славилась своими дерзкими и неукротимыми пиратами, немилосердно грабившими берега Дании. Главным местопребыванием этих пиратов была река Кремпина, которую Гельмольд называет «вертепом морских разбойников». Отсюда легкие славянские суда пускались в экспедиции; сюда же привозили добычу и пленных. О том, каково было количество этих последних, свидетельствует Гельмольд, согласно известиям которого бывали дни, когда в Мекленбурге на рынке сразу продавали по 700 человек датских пленных.

Многие из славян Вагрии, спасаясь от немцев, уходили в дремучие леса, бросая свои насиженные места, свои пашни. Недаром Гельмольд говорит о подвижности славянского населения Вагрии и о том, что славянам приходилось строить плетневые хижины, которые не жалко было бы покинуть в случае надобности. Все это результат войн и немецких насилий. Тот же Гельмольд особенно подчеркивает жадность саксонских князей, мешавших своими вымогательствами распространению христианства за Лабой. Еще раньше Гельмольда писатель XI в. Адам Бременский сурово клеймил «жадность саксов», которые, по его словам, «сначала расстроили христианскую веру в славянской земле алчностью, а потом вынудили шокоренных к восстанию жесто-

костью; теперь же пренебрегают спасением тех, кои хотели бы пребывать в вере, только ради вымогательства денег».

Опустошенную войнами Вагрию граф Адольф стал заселять выходцами из Нидерландов и Вестфалии. Неподалеку от старого захудалого Любека, на Травне, ниже впадения в нее Вокницы, он выстроил новый город, который тоже был назван Любеком и который сразу же получил большое торговое значение, как первый немецкий порт на Балтийском море, доступный для самых больших морских судов того времени. Любек имел и большое стратегическое значение, как сильная крепость на Травне, отделяющая область Адольфа от территории ободритов. С князем ободритов Никлотом Адольф заключил союз, пославши богатые подарки ему и всем ободритским старшинам. Свои политические успехи в Вагрии немцы стремились закрепить христианизацией, причем главный деятель христианской миссии у славян Вицелин был назначен епископом Старградским. Немецкая агрессия делала большие успехи и южнее, на Гавеле. Здесь правил, проживая в Браниборе и признавая власть маркграфа Старой Марки Альбрехта Медведя, князь Прибыслав, ревностный христианин и приверженец немцев. Еще в 1130 г. он будто бы передал своему крестнику, сыну Альбрехта Медведя, область к югу от Гавелы вместе с городом Гавельбергом. Однако сыновья Вирикинда, бывшего славянского князя Гавельбергской области, естественно, не признали этой незаконной передачи. Соединившись с Ратибором, князем поморян, они в 1136 г. захватили Гавельберг, а затем перешли Лабу и вторглись в самую Старую Марку. Альбрехт Медведь ответил вторжением в Гавельбергскую область и, повидимому, обратно взял Гавельберг. Затем он предпринял ряд походов до устьев Пены и в результате этих походов некоторые области, ранее входившие в состав княжества поморского, отошли к Северной Марке. Браниборский князь Прибыслав, содействовавший немецкой агрессии за Лабой, всячески стремился искоренить здесь старое язычество и ввести христианство. У себя в Браниборе он низверг старого идола Триглава и совсем запретил идолослужение. В Поморье, покоренном поляками, тоже усиленно насаждалось христианство, но оно шло здесь из Польши: Оттон, епископ Бамбергский, проповедовавший в Поморье в 20-х гг. XII в., действовал по поручению польского короля, и его проповедь была успешной, так как проводимая им христианизация не сопровождалась тяжелыми вымогательствами и не была символом ненавистного немецкого ига. В 1140 г. было образовано особое поморское епископство, с местопребыванием епископа в городе Волини.

5. Общественный быт полабских и поморских славян накануне завоевания их территории немцами. Хозяйство. Политический строй. Религия. Права славян.

Спутники Оттона Бамбергского, путешествовавшие с ним в славянское Поморье, оставили любопытные данные о быте славян, записанные в «житиях» Оттона. Почти одновременно с этими «житиями» появилась «славянская хроника» немецкого священника Гельмольда, жившего в Вагрии и непосредственно наблюдавшего быт ободритов. «Жития» Оттона Бамбергского и «славянская хроника» Гельмольда, сопоставляемые с историческими произведениями XI в. — «Хроникой» Титмара, епископа Мерзебургского, и «Деяниями епископов Гамбургской церкви» Адама Бременского, а также некоторыми другими источниками XI—XII вв., дают возможность нарисовать, правда, в общих чертах, картину внутреннего быта полабских и поморских славян накануне завоевания их территории немцами.

Немецкие хронисты единогласно подчеркивают природные богатства славянского края за Лабой. Адам Бременский говорит о славянской территории, что она густо заселена и чрезвычайно обильна всякими плодами. Гельмольд называет славянскую землю «землею обширною, богатою хлебом и тучными пастбищами, обильною рыбой, мясом и всякими благами». Специально об острове Ругене (Рюгене) тот же Гельмольд говорит, что он «изобилует плодами, рыбой и дикими зверями». Особенно подробно и восторженно говорят о богатствах славянской территории немецкие миссионеры, спутники Оттона Бамбергского. «Там, — повествует одно «житие» Оттона о Поморье, — невероятное изобилие рыбы в море, а также в пресных водах, озерах, прудах. На денарий можно купить целый воз свежих сельдей. (Там множество) масла от коров, молока от овец, сала от баранов и козлов; (там) обилие меда, пшеницы, конопли, мака, всякого рода овощей и фруктовых деревьев». «Страна эта, — читаем мы в другом месте того же «жития», — дает жителям великое множество рыбы и диких зверей; она изобилует зерном, овощами... Нигде не найти больше меда, нигде нет более тучных пастбищ, лугов... Меды их и шиво, тщательно приготовленные, превосходят фалерские вина».

Из всех этих описаний богатств славянского края явствует, что славяне усиленно занимались земледелием и что земледельческая культура стояла у них относительно на высоком уровне, мало отличаясь в этом отношении от земледельческой культуры тогдашних немцев. Данные языка свидетельствуют о том, что уже в X в. западные славяне знали и практиковали трехполье. Слова озимь, ярина — старые славянские слова. Землю они обрабатывали легкой сохой с железным лемехом (ральником), именовавшейся у западных славян радлом. В эту соху впрягалась лошадь или пара быков. Взорные утверждения немецких шовинистов и фашистов,

что славяне не умели пахать землю, основаны главным образом на том, что они не знали тяжелого плуга с запряжкой в несколько пар волов, распространенного в центральной Европе. Но употребление легкой сохи, а не тяжелого плуга просто объясняется природными условиями славянского края, где приходилось пахать землю по лесным полянам (часто среди пней) и нешироким речным долинам и где, следовательно, тяжелый плуг с его многоволосей запряжкой применить было трудно и даже невозможно. Легкая соха была наилучшим орудием обработки почвы в природных условиях жизни славян за Лабой — подобно тому, как она была наилучшим орудием обработки почвы в Московско-Суздальской Руси, обильной лесами, реками и болотами. Если же немцы ввели позднее тяжелый плуг, то это потому, что с течением времени природные условия заэльбского края изменились — уменьшились и исчезли леса, высохли топи и болота. Словом, употребление славянами сохи никак не есть, вопреки утверждениям фашистов, признак низкого состояния земледелия за Эльбой. Зная трехполье, славяне знали, как свидетельствуют о том немецкие миссионеры, технические культуры, сеяли коноплю, лен, мак; они практиковали также огородничество и садоводство. Как видно из сообщений немецких миссионеров о Поморье, у славян было также развито скотоводство. Разводился крупный скот: быки, коровы, кони, и мелкий: овцы и козы. Особенно славилась рослые и выносливые поморские кони, вскармливаемые на тучных пастбищах Поморья.

Жили славяне рассеянными деревнями; каждая из таких деревень представляла собой поселение кровного союза — большой семьи. Несколько семей-деревень группировались вокруг крепости или городища, куда население укрывалось в минуты опасности. Городища эти окружались валами и тыном, а также рвами, наполненными водою. Наряду с такими малыми городищами были крупные — военные и религиозные центры целых племен и даже союзов племен. Таков Бранибор на притоке Лабы — Гавеле, центр племени гавелян, совершенно неприступный из-за окружающих болот в летнее время. Такова знаменитая Ретра в земле ратарей — центр объединения четырех племен воинственных лютичей, обиталище бога Сварожича. Это «седалище идолослужения», построенное в форме треугольника, по Адаму Бременскому, имело девять ворот и со всех сторон окружено было озером. Такова Аркона на о. Рудне, расположенная на высокой скале, с ее храмом почитаемого во всей славянской земле бога Святовита. Такова Кореница тоже на о. Руяне — местопребывание семилкиго Руявита. У моря, при больших заливах, на морских островах были расположены настоящие торговые города славян — с многочисленным постоянным населением в них. Еще в начале IX в. славился своей торговлей Рерик в земле ободритов (недалеко от Висмара). Адам Бременский оставил восторженное описание славянского города Юмны

(или Винеты), которую он называет «величайшим из городов Европы». Сюда, по Адаму, съезжались купцы из христианских и языческих стран, в частности из русских земель и из Саксонии и здесь можно было найти товары всех северных народов. Описание Адама Бременского, без сомнения, преувеличено, но все же оно свидетельствует о большом торговом значении славянского города в устьях Одры, разрушенного, по Гельмольду, датчанами. Из других торговых городов славян за Лабой следует назвать Старград (Ольденбург) у вагров, Микелин (Мекленбург) у ободритов, Дымин и Вельгош у лютичей, Шетину, Камину, Колобрег, Белград в Поморье. В Шетине, этой «матери» городов Поморья, проживало 900 больших семей, как свидетельствуют о том немецкие миссионеры. Эти же миссионеры говорят о наличии в славянских городах улиц, площадей, помостов, храмов и иных больших зданий. Жители этих городов, а также жители о. Руяны, наряду с торговлей, практиковали пиратство, причем особенно прославились своими экспедициями руяне, жившие, по образному выражению Гельмольда, «в сердце моря» и превосходившие своей отвагой северных викингов. Торговали славяне с Швецией, Данией, Русью и всем побережьем Балтийского моря, причем предметами вывоза в их торговле были соль, хлеб, рыба, невольники (главным образом датские и немецкие). Миссионеры, посетившие в первой половине XII в. Колобрег во время зимы, нашли его почти совсем пустым, «так как почти все его жители... отплыли в море, на острова, для торговли».

Наряду с торговлей полабские и поморские славяне знали также промышленность — добывание соли, изготовление сукон, полотна, выделку кож, гончарное, ювелирное дело. С особою тщательностью и любовью строили и отделявали славяне свои храмы. Титмар Мерзебургский, описывая храм бога Сварожича в Ретре (у ратарей), говорит, что он был художественно выстроен из дерева и что с внешней стороны его стены были украшены разными изображениями богов и богинь, «удивительным образом вырезанными по дереву». Немецкие миссионеры, описывая славянские святилища в Шетине, говорят, что одно из них было построено чрезвычайно искусно: его стены изнутри и извне были украшены разными изображениями людей, птиц и зверей, представленными столь естественно и верно, что «казалось, будто они живут и дышат». Изображения эти были раскрашены, и краски отличались такою устойчивостью, что ни снег, ни дождь не могли попортить или смыть их. Датский писатель XII в. Саксон Грамматик говорит о художественной отделке Святовитова святилища в Арконе и храма Руявита в Коренице.

В политической жизни славян замечалось еще господство родового строя, правда, уже в значительной мере подвергнутого разложению. Выше уже было сказано, что славяне жили большими

семьями. Глава семьи — старшина — распоряжался в семье в мирное время и был вождем своих сородичей во время военных действий. Большая семья не представляла собою, однако, объединения равноправных сородичей, как в более раннее время. Надо думать, что уже в X в. возникла частная собственность на землю, и это явилось предпосылкою имущественного расслоения среди свободных родичей. Постепенно все больше и больше возвышалась родовая знать и жречество, захватывавшие большие земли и пользовавшиеся взятыми на войне рабами для их обработки. С X в., наряду с старыми славянскими деревнями, название которых оканчивалось на *ичи* (напр. Стадичи), что указывало на происхождение жителей от одного общего праотца, появились названия деревень с окончаниями на *оз* и *ич*, что указывало на принадлежность их одному собственнику. Естественно, что, господствуя в хозяйственной области, родовая знать стала господствовать и в области политической. Немецкие миссионеры особенно подчеркивают значение этой знати в Поморье, где она отодвинула на второй план старые, общенародные веча. Важнейшие мероприятия в городах Поморья, к которым тяготели окружающие деревни, обсуждались в совете старшин, и лишь после этого выносились на утверждение веча. Старшины обращались к народу с особых возвышений или помостов («степеней»), а народ, являвшийся на вече вооруженным, просто принимал предложения. В некоторых случаях решение старшин было окончательным, не подлежащим утверждению веча. Так, решение об отказе от язычества было принято в Шетине во время второго путешествия Оттона Бамбергского одними лишь старшинами. Наиболее видные представители родовой знати Поморья имели свои военные дружины и на собственный риск и страх снаряжали экспедиции против соседей. Таков один из знатных жителей гор. Шетины — Вирчак, снарядивший собственными средствами шесть судов для набега на Данию. Княжеская власть, совсем исчезнувшая у главных племен лютичей, была очень слаба в Поморье и, как мы видели, не смогла укрепиться у ободритов. Князья, опиравшиеся на дружину и имевшие в своем распоряжении большие земли, не в силах были уничтожить местного сепаратизма, представителями которого были родовая знать и сильное жречество. В пороках Поморья современник Оттона Бамбергского, князь Вартислав, имел свои княжьи дворы, но власть его здесь в сущности была номинальна, и каждый город с его округою действовал самостоятельно и в мирное и в военное время. Что касается князей ободритов, то выше уже иллюстрировалось их бессилье создать длительное объединение племен ободритского (и части лютичьего) союза. Немцам давало огромное преимущество перед славянами то обстоятельство, что у них в основном уже сложился феодальный строй, в то время как у славян он еще только зарождался. Немцы поэтому были более

сплочены и организованы. У них было уже профессиональное конное рыцарское войско, и с этим войском трудно было бороться славянскому пешему ополчению. Все же славяне показали свои большие способности и свое творчество и в области военного дела, не раз нанося сокрушительные удары немцам и датчанам. Недаром немецкие миссионеры говорят о поморянах, что «они искусны в войне на суше и на море». Показавши свою стойкость и беззаветную храбрость в сухопутных сражениях, полабские и поморские славяне особенно проявили свое искусство в области мореходства и в морских битвах. Их легкие корабли даже в половине XII в. господствовали на Балтийском море и наводили ужас на обычных союзников немцев — датчан, над которыми славяне издевались, как над трусами. Славяне первые ввели важное новшество в военно-морских операциях, погружая на свои корабли коней и высаживая их для совершения быстрых вторжений в глубь вражеской территории. Этот обычай переняли потом у славян датчане. Славянские мореходы не только опустошали берега Дании, но и брали их большие города, и датчане вынуждены были откупаться от славян, временами быть их настоящими данниками. Лишь в тесном союзе с немцами датчане смогли одержать верх над славянами и, в частности, установить свою власть над о. Рюгеном, в сущности власть номинальную.

Огромную роль в общественной жизни славян играла их своеобразная языческая религия. Поклоняясь рекам, источникам, скалам, рощам, деревьям и таким явлениям природы, как гром, молния, дождь, ветер, славяне за Лабой вместе с тем знали высшие существа, которых именовали богами. У них был целый сонм этих богов, и они одни из всех славянских народов выработали довольно сложный языческий культ, строили величественные храмы и имели сильное жречество. Нигде у славян язычество и жречество не играли такой большой роли, как за Лабой. Религия была дорога здесь славянам как символ их независимости в продолжительной и кровавой борьбе с немецкими завоевателями.

Первым и главным богом славян за Лабой был бог Сварожич (т. е. сын Сварога — солнца), считавшийся в первую очередь повелителем великого союза четырех племен лютичей. Адам Бременский и Гельмольд именуют его Радигостем. Титмар Мерзебургский называет пород племени ратарей, где находился храм Сварожича — Радигостя — Радигостем. Адам и Гельмольд называют этот город Ретрою. Жрецы Ретры наделили Сварожича специальными качествами бога войны и провозгласили его покровителем лютичей. В храме Ретры, рядом с идолом главного бога Сварожича, стояли и изображения других богов, «страшные на вид, в полном вооружении, в шлемах и латах». Здесь же хранились боевые знамена лютичей, которые несли впереди войска во время битвы. Здесь же стоял священный конь Сварожича, через которого жрецы узнавали

волю богов путем своеобразной процедуры проведения его через два скрещенных коня, воткнутых в землю. Жрецы производили также гадания путем бросания жребия.

Другой великий бог славян — Святovit, храм которого находился на высокой скале, в Арконе, на острове Руяне. Главенство Святovита покоилось на морском могуществе Руяны в XI—XII в., когда, по словам Гельмольда, все славянские племена за Лабой посылали в Аркону дары и испрашивали советы у арконского бога. Руянский Святovit — это, повидимому, разновидность всеславянского Сварога — бога сияющего солнца, которого арконские жрецы превратили в страшного бога войны. Идол Святovита, стоявший посреди храма и имевший четыре головы, в правой руке держал рог, наполненный вином, а в левой согнутой руке лук. Рядом с идолом хранился огромный меч Святovита, ножны и рукоять которого были богато обделаны серебром, а также узда и седло священного коня Святovита. Этот конь белой масти и с длинной гривой содержался при храме, и жрецы говорили, что на нем по ночам ездил бог, оберегая от врагов о. Руяну. Через посредство коня, как и в Ретре, производились гадания путем проведения его через разложенные особым образом на земле коня.

Третий общий бог славян за Лабой — Триглав, главное святилище которого было в Поморье, в гор. Шетине. Триглав, повидимому, тоже местная разновидность всеславянского бога солнца, и его тоже сделали богом войны. Три головы бога указывали на то, что он управлял царствами небесным, земным и преисподним. Глаза и уста Триглава были покрыты золотой повязкою; по объяснению жрецов, это знаменовало то, что бог не видит проступки людей; он не обращает на них внимания и молчит о них. Триглаву тоже был посвящен конь, вороной масти, и через него тоже узнавали волю бога. Идолы бога Триглава стояли также в Волини и в Браниборе. В Волини золотой идол Триглава, по словам немецких миссионеров, был спрятан жрецами в дупле большого дуба после утверждения в этом городе христианства.

Кроме главных трех богов, у славян было много второстепенных, имевших только местное значение. Титмар Мерзебургский говорит о славянах за Лабой: «Сколько здесь имеется областей, столько же храмов и изображений отдельных демонов, которых почитают неверные». Гельмольд тоже говорит о множестве местных богов у славян, которых они чтут, «не отвергая существование и единого бога, повелевающего с небес остальными». Из местных славянских богов наиболее известны семиликий Руявит в Коренице, на Руяне, и Яровит в Велегоще. В святилище Яровита висел щит бога, покрытый золотыми пластинками. В мирное время его нельзя было трогать; на войне его несли впереди войска. Из дру-

гих местных богов известны богиня Жива у полабов, Подага в Плуе и Прове в Старграде у вагров. Гельмольд посетил священную рощу вагров, где росли дубы, посвященные Праве. Здесь было святилище бога, служившее вместе с тем убежищем для преступников. «Славяне,— говорит Гельмольд,— имеют такое уважение к своей святыне, что вокруг храма не оскверняют место пролитием крови даже в военное время».

Жрецы, обслуживавшие святилище богов, особенно были многочисленны в Арконе и Ретре. Отличительным знаком жреческого достоинства было белое одеяние. Кроме того, на о. Руяне, где все жители брились, одни жрецы носили бороды и длинные волосы. Жрецы Ретры объединяли четыре племени лютичей. Ретра неизменно являлась центром, откуда исходило сопротивление немцам. Верховный жрец Арконы считался властителем руянского народа и почитался выше князя. Могущество великого жреца объясняется большими материальными средствами, шитежавшими в святилище Святовита, в Арконе. Выше уже было сказано, что все племена славян за Лабой несли дары Святовиту. Кроме того, в пользу Святовита взимались особые поборы с купцов и поступала треть военной добычи. По словам Гельмольда, все захваченное в бою золото и серебро шло Святовиту. У Святовита были особые земли и особое воинство — 300 избранных конных воителей. Великий жрец Святовита сосредоточивал в своих руках верховный суд на Руяне. Он же выступал как представитель народа во время и после военных действий. Жречество играло огромную политическую роль у всех славянских племен. У вагров, например, каждый понедельник народ собирался в священном лесу для суда, отправляемого жрецом и князем.

Славяне приносили своим воинственным богам кровавые жертвы, иногда человеческие. На Руяне, например, ежедневно закалывали для жертвоприношения Святовиту христианина, выбираемого среди пленных по жребию. Совершались торжественные празднества в честь богов. В Арконе, например, главное празднество происходило после уборки хлеба. Оно сопровождалось очень несложным ритуалом и заканчивалось общенародным пиршеством.

Немецкие шовинисты и современные фашисты утверждали и утверждают, что у славян за Лабой собственно не было никакой культуры, и что культуру впервые принесли сюда завоеватели-немцы. Все эти измышления, имеющие целью оправдать захваты и насилия в славянской земле, являются клеветой на славян и решительно опровергаются всем тем, что сказано выше об их общественном быте. У славян, как мы видели, была своя своеобразная, довольно сложная материальная и духовная культура, и они сумели проявить свое самобытное творчество во всех областях общественной жизни. Проводимое фашистами представление о

культуры немца и некультуры славянина за Лабой имеет очень почтенную давность: оно ведет свое начало от известного нам автора «Славянской хроники» — священника Гельмольда, писавшего в XII в. Будучи проникнут библейскими традициями, Гельмольд наивно полагал, что язычник не способен ни на что хорошее, а может давать только дурное. Не раз уже отмечалось, что у христианских писателей раннего средневековья выработалось своего рода шаблонное представление о язычниках, у которых не могло быть никакой культуры; культура с их точки зрения давалась только христианством, морально перерождавшим человека. В немецкой историографии долго повторялась эта библейская точка зрения Гельмольда; с некоторыми изменениями повторяют ее и немецкие фашисты. Историческая наука давно развенчала миф о некультуре язычника вообще и славянина-язычника за Лабой в частности. Немецкие писатели, и в том числе сам Гельмольд, когда они забывают о своем шаблонном представлении язычника, а попросту пишут о славянах, отмечают в их характере много хороших черт, в связи с патриархальным укладом их жизни. Адам Бременский говорит о жителях города Волыни, что «в отношении нравов и гостеприимства не найти людей честнее и добродушнее». Гельмольд сообщает о фуянах, самых закоренелых язычниках, что они отличались многими добрыми качествами — гостеприимством, уважением к родителям, помощью больным и престарелым людям. Особенно Гельмольд хвалит добродушное славянское гостеприимство, которым сам неоднократно имел случай пользоваться в Вагрии, познавши на опыте, «что нет народа выше славян в отношении гостеприимства: при приеме гостей и путников все одинаково к ним радушны». Немецкие миссионеры, побывавшие в гор. Велегоще, у лютичей, были очень удивлены, встретивши ласку и гостеприимство «в царстве дьявола». Те же миссионеры сообщают о поморянах, что кража и обман им совсем неизвестны. У них нет ни замков, ни ключей; они не запирали своих ящиков и сундуков и очень удивлялись, когда видели запертыми ящики немецких миссионеров.

Спрашивается, действительно ли немцы крещением перерождали морально славянина? Конечно, нет. Не зная сущности совершенно непонятной им христианской религии, проповедуемой на чуждом языке, славяне естественно судили о ней по поведению немецких христиан, учинявших в их земле всякие кровавые насилия и злодеяния. Славяне не видели, чему бы можно было поучиться у этих хищников. И недаром славяне Поморья говорили немецким миссионерам в ответ на предложение креститься. «У христиан есть воры, есть разбойники; они отрубают (друг другу) ноги, вырывают глаза; всякие преступления и кары учиняет христиан по отношению к христианину. Да минует нас вера сия».

6. Крестовый поход 1147 г. на славянские земли и его неудача.
Утвращение господства немцев на Гавеле.

Христианизация была для немецких феодалов лишь благовидным предлогом для хищений в славянских областях за Лабой. В 1147 г., когда во время проповеди 2-го крестового похода саксонские князья отказались идти на далекий Восток, им разрешено было Бернардом Клервосским и папой идти в крестовый поход против соседних языческих славян, чтобы или «искоренить» их, или обратить в христианство. Участникам похода давались обычные льготы крестоносцев, но им запрещалось «под страхом отлучения принимать от язычников... деньги или иной какой выкуп и за это дозволить косность в прежнем неверии». Немецкая агрессия таким образом облекалась в форму священного предприятия, которое, прежде всего, привлекло массу хищников из Саксонии. Большую роль в организации похода играли Генрих Лев и Альбрехт Медведь, стремившиеся окончательно поработить силами своеобразных крестоносцев славян за Лабой. В походе принимали также деятельное участие епископы, а прежде всего епископы славянских областей, вынужденные после славянских восстаний покинуть свои епархии. Эти епископы, возглавляемые епископом Гавельбергским, мечтали вернуть потерянные десятины и иные обильные доходы и земли, когда-то пожалованные им Оттоном. К походу примкнули также датчане, терпевшие от славянских набегов, и даже чешские и польские феодалы.

Узнав о сборах крестоносного войска и видя неизбежность вражеского вторжения, отважный князь ободритов Никлот созвал весь свой народ и приступил к постройке крепости Добин, «дабы она была убежищем в случае надобности». Место для крепости было выбрано очень удачно: она лежала на холмах, близ Зверинского озера, которое должно было служить помехой соединенным действиям врагов на случай осады. Решивши отсиживаться в крепости от крестоносцев, Никлот, однако, не ограничился пассивной обороной. Он первый перешел в наступление и опустошил землю вагров, истребивши и захвативши в плен осевших здесь немецких поселенцев. Очевидно, целью Никлота был разгром предполагаемой ближайшей операционной базы крестоносцев и создание затруднений для снабжения их войска. В частности, Никлот сжег Любек со всеми стоявшими в любекской гавани купеческими немецкими торговыми судами, причем ни горожане, ни жупцы не могли оказать славянам сопротивления, так как все были пьяны по случаю праздника. В июне 1147 г. вторглось в славянскую землю огромное крестоносное войско. Часть крестоносцев, с которыми шел Генрих Лев, направилась к Добину, где засел Никлот с ободритами, другая же их часть, во главе с Альбрехтом Медведем и епископом Гавельбергским, вторглась в землю плотичей и осадила крепость Дымин, на Пене. Поход кончился полной неудачей. Под осажден-

ным Добинном Никлот, сделавши искусную вылазку, разбил датчан, которым не могли помочь немцы, так как были отделены от них озером. Одновременно мореходы с о. Руяны нанесли большой урон датским кораблям, стоявшим у побережья. Все это охладило воинственный пыл крестоносцев, и они стали подумывать об отступлении, тем более, что кормить большое войско в опустошенной стране было трудно. Князья заговорили о нецелесообразности похода, о том, что бессмысленно опустошать землю, которая платила дань немцам. В конце концов с Никлотом был заключен мир на условии принятия им и его народом христианства и отпуска на волю пленных датчан. Условия мира славяне, по словам немецкого хрониста, не выполнили. Христианство они принимали «притворно», а из пленных датчан отпустили лишь стариков и нетрудоспособных, «прочих же, которые по возрасту были пригодны для работы, удержали». То, что произошло под Добинном, в сущности повторилось и под Дымином, после неудачной осады которого Альбрехт Медведь и прочие князья сочли неблагоприятным воевать против собственных данников. Так мужественное сопротивление славян вразумило немецких хищников и под Дымином.

Часть крестоносного войска, во главе с воинственными епископами, направилась в город Шетину, в Поморье, чтобы пограбить этот богатый город, хотя жители его со времени миссии Оттона Бамбергского числились христианами. Подойдя к Шетине, немцы увидали кресты на городских валах, а явившийся к ним епископ Поморский не без иронии задал вопрос, для чего они явились с оружием в руках к христианскому городу. Видя, что никаких, хотя бы видимых, оснований для разбоя в Поморье подыскать было нельзя, сконфуженные духовные особы отправились со своими приспешниками во-свояси, но при возвращении понесли большие потери. «Так,— говорит немецкий хронист, характеризуя результаты нашествиего крестового похода 1147 г.— большое предприятие разрешилось малыми результатами». Славяне после похода стали еще «хуже прежнего». Особенно они досаждали своими морскими набегами датчанам, над которыми давно уже издевались, как над трусами. Главный герой обороны славянской земли от крестоносных разбойников, Никлот, после похода даже увеличил территорию своего княжества частичным подчинением своей власти хижан и черешенян, хотя он попрежнему продолжал уплачивать даны герцогу. В марке Альбрехта Медведя, у лютичей, поход не произвел каких-нибудь серьезных изменений. Лишь в Поморье результатом похода было то, что напуганный перспективой нового нашествия немцев князь Ратибор, явившись (летом 1148 г.) в Гавельберг, имел здесь свидание с саксонскими князьями и объявил себя христианином. Будучи крещен еще Оттоном Бамбергским, Ратибор лишь номинально числился христианином. Теперь он обещал строго держаться новой веры и всеми силами утверж-

дать ее в своем княжестве. С тех пор, действительно, Ратибор стал строить монастыри и утверждать у себя христианство. Поморье никогда позднее не возвращалось к язычеству, и здесь вместе с христианством и христианским духовенством все более и более утверждалось немецкое влияние. Вследствие этого связь поморян с соседними языческими славянскими племенами ослабела, и ободриты и лютичи уже не находили в Поморье такой поддержки, как раньше.

Вскоре после крестового похода 1147 г. случилось важное событие в Браниборе, положившее конец независимости войиственных лютичей на Гавеле. По смерти князя Браниборского Прибыслава, последовавшей в 1151 г., Альбрехт Медведь с помощью жены умершего захватил Бранибор и присоединил все Браниборское княжество к своей марке. Пытаясь юридически обосновать этот захват, немецкие хронисты сочинили версию о том, что князь Прибыслав, не имея прямых наследников, завещал перед смертью свое княжество Альбрехту Медведю. Немцы, однако, лишь воровским образом смогли ввести в столицу княжества свои гарнизоны, причем жена Прибыслава целых три дня скрывала смерть мужа, чтобы дать возможность этим гарнизонам обосноваться в Браниборе. Через несколько лет (в 1157 г.) восставшим лютичам удалось было снова захватить Бранибор, но немцы скоро завладели им опять, и на этот раз окончательно. С прекращением существования славянского княжества на Гавеле кончилась активная роль лютичей в борьбе с немецкой агрессией.

Подобно Адольфу Голштинскому, Альбрехт Медведь и его преемники вызывали в захваченные славянские области немецких колонистов, строили церкви и монастыри и вместе с христианами проводили онемечение населения. В 1238 г. на реке Шпрее, в старой области славянского племени шпревян, возник Берлин, сделавшийся столицей Бранденбургского маркграфства и центром позднейшего Бранденбургско-прусского государства.

7. Борьба ободритского князя Никлота и его сыновей с Генрихом Львом и датчадами. Конец независимости славян за Лабой. Немецкая колонизация. Судьба местного славянского населения.

Сохранившие свою самостоятельность ободриты в 60-х гг. XII в. испытали новый натиск немецкой агрессии. Влияние Генриха Льва в первые годы правления Фридриха Барбароссы (с 1152 г.) чрезвычайно усилилось. Получивши от Фридриха Баварию, он возмнил себя в Германии равным королю и стремился неограниченно властвовать на севере. Он не считался ни с духовными, ни с светскими князьями, теснил тех и других, и в частности заставил графа Адольфа Голштинского уступить ему (в 1158 г.) Любек. Славян алчный Вельф, «весь преданный корысти», облагал тяжелыми даними «много выше прежних времен» и в 1160 г. решил с помощью датчан повторить большой поход за Лабу, чтобы разгромить ободритское княжество Никлота. Узнав о новых замыс-

лах немцев, Никлот пытался по примеру 1147 г. взять Любек, но посланная им с этой целью экспедиция успеха не имела. Когда огромные массы врагов вторглись с суши и с моря в славянскую землю, мужественный князь ободритов не упал духом. Он сжег свои крепости Мекленбург, Добин, Зверин и Илово, так как считал невозможным отстоять их от немцев, и засел в восточной части своих владений, в крепости Вурле (в области хижан, у реки Варнова). Немцы варварски опустошили страну, по которой проходили, зверски истребляя жителей и убивая даже пленных. Никлот снаряжал постоянные экспедиции из крепости и истощал немцев летучими нападениями, особенно стараясь истреблять отряды, посылаемые за продовольствием. Во время одной стычки с немцами, когда отважный славянский князь один ворвался в толпу врагов, он был убит, покинутый своими соратниками, и немцы долго издевались над трупом своего страшного недруга, наделавшего им столько неприятностей: они водрузили его голову на кол и с торжеством носили ее по лагерю. Сыновья Никлота — Вартислав и Прибыслав, смущенные смертью отца, не имели достаточного мужества, чтобы продолжать защиту Вурле. Они сожгли крепость, увезли жен и детей на судах, а сами укрылись в лесах. В дальнейшем за ними оставлена была восточная часть владений отца (за рекою Варновою), западная же часть, т. е. вся территория ободритов, в качестве добычи завоевателя, была роздана в лены немецким рыцарям, причем наместником герцога у ободритов был поставлен Гунцелин, обосновавшийся в Зверине. Однако столкновения с славянами, обложенными тяжелыми поборами в пользу немцев, не прекращались. В 1164 г. ненависть к немецким поработителям привела к общему восстанию ободритов, во главе которого стал Прибыслав. Славяне взяли Мекленбург, Малхов, Кучин, обложили прочие крепости и хозяйничали в открытой стране, провозгласивши свою свободу от немцев. Восстание ободритов грозило распространиться и на лютичей, ненавидевших немцев; поэтому немцы поспешили выступить против восставших объединенными силами, причем заклятые враги — Генрих Лев и Альбрехт Медведь сговорились действовать вместе. Совместно с немцами выступил датский флот под начальством самого короля Вольдемара. Генрих Лев осадил Малхов, но, не будучи в состоянии взять эту крепость, в бессильной злобе велел повесить на глазах защитников пленного князя Вартислава. Прибыслав, получивший помощь от поморских князей, ждал немцев под Дымингом. В начале июля произошла решительная битва. В ней погибло много саксов, в том числе граф Голштинский Адольф, но победа в конце концов осталась за немцами, и славянское войско отступило к Поморью, предварительно предавши пламени Дымин.

Славянское восстание 1164 г. потерпело таким образом крах, но в народе брожение продолжалось, и Прибыслав не прекращал

борьбы с немцами. С помощью поморских князей он отстроил сожженный Дымин и, базирясь на эту крепость, продолжал свои набеги, проникая до самой Лабы. В конце концов коварный Вельф, которому стали грозить тяготившиеся его всевластием саксонские князья, решил войти в соглашение с Прибыславом и уступил ему все бывшее княжество его отца, за исключением Зверинской области, оставленной за Гунцелином. Прибыслав, бывший к этому времени (1166 г.) уже христианином, с своей стороны обязался повиноваться саксонскому герцогу и охранять его владения от славянских набегов. По словам Гельмольда, «Прибыслав дал герцогу и друзьям его обеспечение верности, которая не должна была нарушаться никакими бранными бурями, и обещал повиноваться велениям его». Со стороны Генриха Льва его договор с Прибыславом знаменовал собою резкую перемену политики за Лабой; убедившись в том, что невозможно было держать в повиновении свободолюбивых славян силой оружия, герцог решил переманить на свою сторону славянскую знать и славянских князей, давши им все права немецких князей, чтобы с их помощью сохранять свою власть над славянами. Со стороны Прибыслава соглашение с немцами знаменовало собою отказ от борьбы, измену народному делу: княжеская власть в результате соглашения сделалась проводником немецкого влияния у ободритов. В дальнейшем Генрих Лев, против которого выступили саксонские князья и сам император, четыре раза поднимал славян против немцев; при этом славяне каждый раз истребляли с благословения Вельфа множество жителей, сжигали даже церкви и брали пленных. Сам Генрих Лев в борьбе с саксонскими князьями немилосердно избивал своих соотечественников и опустошал немецкие области. Таков этот излюбленный герой современных немецких фашистов, которые провозгласили его выразителем «национальной» немецкой идеи и защитником интересов немецкого народа на востоке.

В результате договора 1166 г., утвержденного Барбароссой в 1170 г., возникло в качестве лена германской империи полунезависимое мекленбургское славянское княжество. Прибыслав отстроил разрушенные города Мекленбург, Илово и Росток и стал собирать на свою территорию славян, рассеянных военными бурями. Он все время хранил верность, обещанную саксонскому герцогу. Сын его Генрих Борвин женился на побочной дочери герцога и отличался еще большей преданностью немцам. Племянник Прибыслава — Никлот, сын повешенного Вартислава, тоже держал сторону немцев, предавши забвению их злодейство. Все эти князья и их преемники уничтожали старинный славянский быт и язычество, усердно насаждая у себя немецкие обычаи и христианство. Народ, однако, долго и упорно боролся против немцев и противустоял онемечению. В ноябре 1179 г. вспыхнуло большое восстание ободритов, к которому присоединились и лютичи Мекленбургского

княжества. Восставшие ополчились против христианства и против княжеской власти, причем Никлот, пытавшийся подавить восстание силой оружия, потерпел поражение от черепяня и вынужден был бежать с поля битвы. Весной следующего года восставшие, по призыву Генриха Льва, вторглись в Лужицы, и восстание грозило охватить всю территорию за Лабой. К сожалению, неизвестно, когда и как оно кончилось.

В 1168 г. датчане, воспользовавшись стесненным положением славян, снарядили большую экспедицию против руян, досаждавших им морскими набегами, и осадили Аркону. Когда осаждавшим удалось поджечь главную башню, защищавшую ворота, начавшийся пожар деревянных городских стен заставил осажденных после отчаянного сопротивления начать переговоры о мире. Мир был заключен на следующих условиях: арконцы должны были выдать своего идола Святовита и все накопленные храмовые сокровища, отпустить на волю всех пленных христиан и отказаться от язычества. Во исполнение этих условий, знаменитое святилище Арконы было разрушено. Почти одновременно сдалась датчанам и другая руянская крепость — Кореница, причем уничтожены были боги Кореницы во главе с Руявитом. Датчане действовали на Руяне очень осторожно, опасаясь раздражить отважных руян поборами и насильственным введением христианства. Многие руяне, и в том числе князь Яромир, продолжали держаться язычества и им даже оставлен был храм бога Триглава. Лишь в 1170 г. Яромир принял крещение, и на Руяне окончательно прекратилось язычество. Здесь, как и в Мекленбурге, продолжали править славянские князья, признававшие верховную власть короля датчан, но сохранившие большую долю самостоятельности.

На Руяну, кроме датчан, изъезжали притязание поморские князья, участвовавшие в покорении острова, а также Генрих Лев, завидовавший взятой датчанами в Арконе большой добыче. Обе стороны заключили союз для совместных действий против датского короля Вольдемара, причем Генрих Лев поднял всегда готовых пограбить острова и берега Дании ободритских пиратов. В 1171 г. король Вольдемар заключил мир с Генрихом Львом, удовлетворивши его жадность отдачею ему части захваченных в Арконе храмовых сокровищ, и тогда немецкий хищник, переменивший фронт, стал помогать датчанам в войнах с Поморьем. Стесненные датчанами, поморские князья подчинились империи, провозглашены были в 1180 г. имперскими князьями и получили титул герцогов Славии. Восточное (Гданское) Поморье управлялось своими князьями до конца XIII в. (когда было захвачено тевтонским орденом), а западное (Щетинское) Поморье — до середины XVII в.

Завоевание немцами славянской территории сопровождалось большой убылью славянского населения, оказывавшего отчаянное сопротивление немцам, и уничтожением их старинной самобытной

культуры. Погибли большие торговые славянские города на Балтийском море; погибли памятники архитектуры и искусства славян, в частности, их отделанные с большим художественным вкусом языческие храмы; погиб весь патриархальный славянский быт, проникнутый честностью и добродушным гостеприимством, которым восхищались даже немцы. Особенно пострадали, в смысле убыли в людях, славяне вагры и лютичи на Гавеле, а также ободриты Зверинской области. Здесь Гунцелин, чтобы держать в страхе покоренное население, приказывал вешать славян, если их встречали не на дорогах и если они не представляли удовлетворительного объяснения причин своего пребывания в данном месте. В связи с привлечением массы нидерландских и немецких колонистов за Лабу были случаи вытеснения славян новыми поселенцами: целые деревни «очищались» от славян и передавались пришельцам. Славяне и сами уходили на новые места, не желая подчиняться завоевателям и принимать христианство. Все же не может быть и речи о массовом «искоренении» местного славянского населения немцами за Лабой. Теория «искоренения», пущенная в оборот в XII в. автором «Славянской хроники», священником Гельмольдом, который изобразил процесс завоевания и колонизации славянских земель, как процесс, сопровождавшийся истреблением или изгнанием местного населения, решительно опровергается материалом грамот XII и следующих столетий. Согласно данным грамот, повсеместно за Лабой (в том числе и в Бранденбурге) рядом с новыми германскими поселениями продолжали существовать в большом количестве и старые — славянские. Часто немцы селились в одной и той же деревне с славянами и смешивались с ними. Такое же смешение наблюдалось и в городах, где славяне пополняли собою и ряды бюргерства и ряды патрициата. Часто монастыри, знать и князья (немецкие и местные) приглашали в качестве колонистов на пустые земли не только немцев, но и славян, которые поначалу, повидимому, то же свободное устройство, что и немцы. Славянская знать быстро германизировалась, усваивая немецкие обычаи, масса же славянства в течение ряда столетий упорно отстаивала свою самобытность, и еще в XVIII в. славянская речь звучала по обе стороны Лабы.

В общем, вопреки утверждениям ряда фашистов, говорить о «чистоте» немецкой крови в Бранденбургско-прусском государстве, этом основном ядре империалистической и фашистской Германии, никак не приходится. Население здесь издавна было славяно-германо-прусским, т. е. смешанным населением, и это смешение, еще более осложнилось массовым притоком в Пруссию позднейших колонистов, между прочим, из Франции.

II. БОРЬБА С НЕМЕЦКОЙ АГРЕССИЕЙ В ПРИБАЛТИКЕ.

1. Население Прибалтики. Завоевание немцами Ливонии и Эстонии.

Немецкая агрессия не ограничилась славянской территорией за Лабой. Она распространилась дальше, в Прибалтику, на терри-

торию от нижней Вислы до Финского залива, издавна заселенную литовскими и финскими племенами.

Восточные берега Балтийского моря издавна привлекали к себе европейцев, прежде всего — скандинавов, стремившихся проникнуть через Прибалтику на юг, к Византии, и на отдаленный восток, к арабам. Варяжские купцы и разбойники по Западной Двине проходили к Днепру и отсюда в Черное море. Они же позднее (в IX в.) стали плавать по Финскому заливу, Неве, Ладожскому озеру, Волхову и дальше к Днепру («великий путь из варяг в греки»), а также в верховья Волги, по которой доходили до Каспия. В X в. центром торговли на Балтийском море сделался остров Готланд, номинально принадлежавший Швеции, но фактически бывший самостоятельным; здесь около 1100 г. возник город Висби. Он стал главным складочным местом в торговле с Прибалтикой, откуда поступали меха, мед, воск, сало, деготь и иное сырье, обмениваемое на соль, сукна, металлические и другие изделия Запада. В Висби образовались гильдии немецких и датских купцов, которые открыли свои склады в Новгороде и по Двине держали связь с Полоцком. Полоцкие русские князья взяли под контроль все течение этой реки до моря; и для упрочения здесь своего господства построили два укрепления: Герсике и Рокенгаузен. В свою очередь и новгородцы, стремились упрочить свое влияние в Прибалтике среди чуждских (финских) племен между Невой и Нарвой и на их территории князь Ярослав построил город Юрьев. Одновременно и псковичи утверждали свое влияние среди латышей — Толовы и Аа. Между тем датчане, шведы и немцы уже в XII в. стали стремиться обойти торговое посредничество Готланда и, обосновавшись в Прибалтике, войти в прямую связь с русскими землями. Первыми обошли посредничество Готланда северо-немецкие (прежде всего любекские) купцы, которые уже с половины XII в. стали держать прямую связь с Новгородом и посылать свои корабли по старому Варяжскому пути через Двину к Полоцку. В низовьях Двины, в земле ливов (по имени которых всю территорию до Эстонии немцы стали именовать Ливонией), были выстроены торговые фактории, и купцы «держали с ливами дружбу». «Дружба» эта однако продолжалась недолго. Проникновение немцев в Прибалтику приобретало все более насильственный характер и постепенно приняло форму большого и сложного предприятия, имевшего главной целью новые территориальные захваты на востоке для нужд духовной и светской немецкой знати; застрельщиками этого предприятия были немецкие католические миссионеры.

Первым миссионером, которого направил на Двину бременский немецкий епископ, был августинский монах Мейнгард. Прибывши в 1184 г. вместе с бременскими купцами в устье Двины и обосновавшись в селении Икокуль, где были немецкие купеческие фактории, Мейнгард стал проповедывать христианство. Однако его

проповеди не имели успеха у местного населения. Это не помешало папе торжественно учредить на Двине новое ливонское епископство и поставить во главе его Мейнгарда.

Так как язычники ливы не хотели креститься, папа объявил крестовый поход для насильственного обращения их в христианство, «давши отпущение грехов всякому, кто возложит на себя крест для устройства новоучрежденной церкви».

Крестовый поход состоялся уже после смерти Мейнгарда, при его преемнике Бертольде. Немецкие крестоносцы, вступившие на почву Ливонии летом 1198 г., нанесли поражение разрозненным силам ливов и заставили жителей креститься, обязав их принять католических священников и давать на содержание каждого из них по мерке зерна с «сохи». Победа, однако, досталась немцам дорого. В битве с ливами погибли епископ и много рыцарей.

После удаления крестоносцев в Германию ливы отреклись от навязанного им силой христианства и выгнали священников. Купаясь в Двине, они говорили: «Мы теперь смываем с себя воду крещения в христианстве водою Двины и отрекаемся от принятой веры, которую отсылаем вслед за удаляющимися саксонцами». Третий епископ Ливонии, Альберт, твердо решил захватить Двинскую область и под видом распространения христианства создать самостоятельное немецкое княжество. Заручившись поддержкой папы и императора, епископ весной 1200 г. появился в устье Двины с 22 кораблями и начал планомерное завоевание Ливонии. Помимо немецкого купечества, заинтересованного в захвате торговых путей на Русь, это предприятие особенно усердно поддерживалось жадными до добычи немецкими рыцарями, которые стремились получить в Прибалтике новые земли и новую рабочую силу.

В 1201 г. Альберт основал в устье Двины город Ригу. В этом же году он приобрел первых союзников среди местного населения¹ и в дальнейшем старался прибрать к рукам и победителей и побежденных, натравливая их друг на друга. В следующем году, желая иметь в своем распоряжении постоянное войско, он учредил орден рыцарей меченосцев, которым дал устав тамплиеров. Меченосцы носили на белом плаще изображение красного меча и креста и подчинялись не папе, а епископу, который обязался уступать им третью часть языческой территории по мере ее завоевания. Каждый член ордена должен был давать следующие четыре обета: послушания, целомудрия, бедности и постоянной борьбы с противниками католичества. Из всех этих обетов меченосцы старательно выполняли только последний. Члены ордена делились на три разряда: 1) «братьев-рыцарей», главным занятием которых была война, 2) «братьев-священников», составлявших духовенство ордена, и 3) «служащих-братьев», отправлявших при ордене обя-

¹ Это были куры и летты, союзный договор с которыми «был утверждён языческим обычаем пролития крови».

занности оруженосцев, ремесленников и другие необходимые службы. Во главе ордена стоял магистр, которого рыцари выбирали сами из своих же сочленов. При магистре состоял совет из знатнейших рыцарей, совместно с которыми решались все важные вопросы жизни ордена. В провинциальных замках и окружающих их территориях суд и управление сосредоточивались в руках командоров, или фогтов.

С учреждением ордена меченосцев военная оккупация Ливонии пошла быстрым темпом, так как действовавшие вразброд ливы не могли оказать длительного и энергичного сопротивления сплоченному и все время пополняемому новым притоком рыцарей-авантюристов ордену. Маркс отмечал: «Все больше немецких рыцарей стремятся в новый германский лен; их лозунг был: христианство или смерть!»¹.

Не могли дать отпора немецкой агрессии и полоцкие князья, занятые борьбой с литовцами, к тому же слишком поздно разгадавшие захватнические стремления епископа и ордена. Хотя полоцкий князь Владимир и доходил со своими войсками и союзными ливами до самой Риги, но немецких крепостей на Двине он захватить не мог, наоборот, он сам потерял затем свои двинские укрепления Кокенгаузен и Герсике, взятые рыцарями. Епископ, желая выиграть время, обещал платить полоцкому князю дань с покоренных ливов, однако это обещание быстро было забыто. В основном уже в 1210 г. покорение ливов и правобережных латышей немцами было закончено, и германский император Филипп Швабский утвердил покоренную страну за епископом Альбертом в качестве имперского лена. На очереди стояло завоевание Эстонии.

Здесь немцы столкнулись с псковичами и новгородцами. Около 1212 г. князь новгородский Мстислав Удалой и брат его, князь псковский Владимир, в целях противодействия немецкой агрессии предприняли большой поход в Эстонию. Они осадили чудскую крепость Медвежья голову (Оденпе), взяли с чуди богатую дань и ушли домой, пообещавшись прислать для крещения покоренной чуди православных священников. Однако это последнее намерение выполнено не было. Русские князья мало уделяли внимания чуди, и немцы как нельзя лучше воспользовались этим обстоятельством. Они в свою очередь захватили Медвежьую голову и прислали сюда католических священников. Вскоре было учреждено особое эстонское епископство, и рыцари, распространяясь дальше по территории чуди, проникли до самого Юрьева. Новгородцы и псковичи не раз предпринимали походы против непрошенных соседей, упорно препятствуя им укрепиться в Эстонии. Они вторглись даже в Ливонию и грозили совсем выгнать завоевателей из Прибалтики.

¹ К. Маркс, «Хронологические выписки». Архив Маркса и Энгельса, V, стр. 341.

«В лето 6724 ходиша новгородцы со князем Всеволодом Юрьевичем к Риге», — значит в Псковской первой летописи. При таких затруднительных обстоятельствах епископ Альберт обратился за помощью к датскому королю Вальдемару, которому тогда принадлежало все побережье Балтийского моря.

Датчане помогли немцам отбить натиск русских князей, но зато сами заявили свои права на всю Эстонию. Они прислали в Эстонию своего датского епископа и стали распространять среди местных финнов христианство. Тех, кого раньше крестили немцы, они перекрещивали, а тех, кто осмеливался принимать крещение у немцев уже после прихода датчан, вешали как государственных преступников. В этом как нельзя более ярко выступает политический характер христианизации, имевшей значение в глазах завоевателей просто как символ признания их власти. Вслед за датчанами в Эстонию явились шведы, также стремившиеся урвать свою долю добычи. Они крестили (в третий раз) финнов, строили церкви и замки и ставили в стране гарнизоны. Однако шведы продержались в Эстонии недолго: все они были истреблены финнами с острова Эзеля, причем погиб и шведский епископ. «Мы уверены, что он сподобился общения с мучениками», — замечает по этому поводу благочестивый современник.

Между тем, учитывая силу датского короля, епископ Альберт вынужден был признать его верховную власть не только в Эстонии, но и в Ливонии. Однако раздоры среди завоевателей не прекращались, и, пользуясь этими раздорами, новгородцы произвели новое вторжение в захваченные немцами страны. Они отвоевали обратно пошавший было в руки немцев Юрьев, взяли Медвежьую голову и, оставив в этих городах гарнизоны, ушли с большой добычей обратно. Русские, как мы видим, не стремились твердо обосноваться в Ливонии и Эстонии, и немецкого хрониста особенно удивляет то обстоятельство, что, собирая с местного населения дань, они не лишали его самостоятельности путем обращения в христианство. Немцы при набегах русских князей обычно запирались в крепости, а потом, по их уходе, переходили в наступление и без труда справлялись с остававшимися в стране слабыми русскими силами. К тому же новгородцы и псковичи не всегда действовали согласно, и это было как нельзя более на руку немцам.

В 1224 г. кончается господство датчан в Прибалтике, и они удерживают лишь небольшую северную часть Эстонии с городом Ревелем. Остальная Эстония оказывается в руках епископа Альберта. В руках русских остался Юрьев (Дерпт), в котором заселенник новгородцев, когда-то изгнанный немцами из Кокенгаузена князь Вячко (Вачеслав), «сущий дьявол», так именует его настроенный в пользу немцев современник.

В том же 1224 г. Юрьев был взят немцами после кровопролитного штурма, причем русские (в количестве 200 человек) все

поголовно погибли вместе со своим отважным князем. «Того же лета, — лаконически сообщает Новгородская первая летопись под 6732 годом, — убиша князя Вячка немцы в Гюрье, а город взяша».

Немецкие источники сообщают более подробные сведения о падении Юрьева. Немцы долго громили город осадными машинами и вели подкопы под его стены, не давая ни минуты покоя осажденным. Последние, однако не падали духом и, несмотря на свое тяжелое положение, решительно отказывались сдать город неприятелю, хотя им и предлагали свободный пропуск в Новгород «с конями и имуществом». Наконец, последовал общий штурм крепости, во время которого все его малочисленные защитники, тщетно ожидавшие помощи от новгородцев, были перебиты. В следующем году в Эстонию явился папский легат, примиривший датчан с немцами и направивший их в крестовый поход против жителей острова Эзеля, промышлявших морскими разбоями. После упорной борьбы остров Эзель был завоеван, население крещено, и в 1227 г. было образовано особое эзельское епископство. Еще раньше положено было начало завоеванию территории к югу и западу от Двины — Жемгалии и Курляндии.

Вся захваченная немцами территория (как в Ливонии, так и в Эстонии) считалась принадлежавшей епископу, подчинявшемуся непосредственно папе. В то же время епископ, получив завоеванные земли в лен от императора, считался князем Германской империи. Впрочем, императорская власть в Прибалтике была лишь номинальной: фактически здесь распоряжался папа, осуществлявший свою власть через специально посылаемых им легатов. Частью своих земель епископ управлял непосредственно при помощи фогтов, но большую часть отдавал в лен своим вассалам. Такими вассалами в некоторых случаях были местные князьки (кунигасы), помогавшие немцам во время их захватов, но в большинстве это были рыцари, выходцы из Германии. Крупнейшим вассалом епископа был орден меченосцев, получивший, согласно договору, треть завоеванных земель и, в сущности, представлявший собой настоящее государство в государстве.

Местное крестьянство сохранило свои земли, но должно было платить за это завоевателям оброк в виде десятины и нести военную службу. Единицей обложения была «соха», т. е. участок земли, обрабатываемый одной сохой. Своего крупного хозяйства немецкие помещики не вели, поэтому барщина первое время была невелика. Вообще на первых порах немцы вынуждены были вести осторожную политику по отношению к местному крестьянству, так как не чувствовали себя твердо в завоеванных областях и все время опасались крестьянских восстаний. К тому же при полном отсутствии притока в Ливонию немецких крестьян-колонистов местное население являлось единственной рабочей силой, которая могла прокормить завоевателей. Вот почему массового истребления

крестьянства и массового лишения их личной свободы на первое время не было. Крепостная зависимость крестьянства установилась здесь не сразу, а постепенно, в XIV—XV столетиях. Однако кровавые насилия над местным населением были обычным явлением, особенно со стороны меченосцев. Так, в 1212 г. венденские рыцари силой отобрали у соседних ливов и латышей поля, луга, деньги и борт, и это вызвало вооруженное восстание против грабителей. Были случаи насилия и со стороны епископских фогтов. Так, об одном из них, изгнанном из Пскова при русском князе Владимире, современник говорит, что он грабил местное население, «пожиная многое из того, чего не сеял»¹. Оставленная местному населению свобода, конечно, была очень относительной: за неуплату оброков полагался огромный штраф и даже смертная казнь. Особое положение занимали в Прибалтике немецкие города во главе с Ригой, пользовавшиеся полным самоуправлением. Городское управление сосредоточивалось в руках выборных магистратов, каковыми являлись эльдермены купеческих гильдий и старейшины цехов. Горожане ревниво оберегали свои вольности. По словам современника, попытка датского короля поставить в Риге своего наместника (фогта), потерпела полную неудачу. Горожане его не приняли, а купцы не дали ему даже лоцмана при приезде и при отъезде. Господствовавшие в городах купцы больше всего заботились о том, чтобы обеспечить за собой торговые выгоды в Прибалтике и наладить связь с соседними русскими областями. В 1229 г. немецкие купцы заключили со смоленским князем Мстиславом торговый договор, обеспечивавший им свободную и беспошлинную торговлю до Смоленска. Договор этот лег в основу всех последующих торговых договоров немцев с русскими.

В общем завоевание немцами Прибалтики повело к быстрому развитию и окончательному оформлению здесь феодальных отношений. Местная знать постепенно была втянута в феодальную иерархию, а крестьянская масса хотя и удержала в своих руках землю, но оказалась в полной зависимости от немецких захватчиков.

В области политической для немецкого государства в Прибалтике характерна типичная феодальная раздробленность, с номинальным лишь подчинением всех вассалов епископу, а через него папе и императору. Духовенство, рыцари и рижские горожане действовали независимо друг от друга и часто враждовали между собой. Алчные меченосцы, признававшие лишь право сильного, не

---

¹ Этот князь Владимир был изгнан из Пскова за то, что породнился с немцами, выдав свою дочь замуж за брата епископа Альберта. Сначала изгнанный князь отправился в Полоцк, но и здесь к нему отнеслись подозрительно, и он обосновался у зятя в Риге. Владимир выступал посредником при переговорах полоцкого князя с немцами, причем держал сторону немцев. Два раза его назначали фогтом епископских земель, но оба раза удаляли за взяточничество. Уходя из Ливонии, оскорбленный князь грозил епископу «поубавить его богатства и избытки». Будучи снова принят псковичами, Владимир привел в исполнение свою угрозу, совершив в 1217 г. набег на Оденне.

раз приходили в столкновение с горожанами и духовенством, причем не слушались даже папских распоряжений.

2. Утверждение Тевтонского ордена в Пруссии. Слияние его с меченосцами. Неудачная попытка наступления на русские земли. Завоевание Пруссии.

Завоевав Ливонию и Эстонию, немцы начали обосновываться и на нижней Висле, в земле литовского племени пруссов. Здесь, как и на Двине, за неудачными попытками папских миссионеров обратить язычников в христианство последовало провозглашение крестовых походов для насильственного крещения пруссов. Походы, однако, были плохо организованы и имели своим результатом лишь обострение пограничных столкновений пруссов с поляками, чрезвычайно опустошительных для Хельмской области, Мазовии и Буявии. Будучи раздроблена политически, Польша не могла собственными силами справиться с пруссами, и поэтому Конрад, князь Мазовецкий, обратился за помощью к рыцарям немецкого тевтонского ордена.

Этот духовно-рыцарский орден был основан немцами в Палестине в самом конце XII в. (1198 г.) по образцу французского ордена тамплиеров. Так как все более и более усиливавшийся натиск турок создавал крайне неблагоприятные условия для деятельности рыцарей на востоке, великий магистр ордена Герман фон Зальца (1210—1239) перенес центр тяжести деятельности ордена на запад. Тевтоны обзавелись большими землями в Германии и Силезии и по предложению венгерского короля открыли свое отделение на венгерской границе, в Семиградье. Однако венгерский король во время понял, какая опасность грозила ему от непосредственного соседства немцев, и в 1224 г. лишил тевтонов Семиградья их привилегий. Как раз после этого Конрад Мазовецкий обратился к Герману Зальца за помощью, предлагая ему все будущие завоевания в Пруссии.

Зальца очень ловко воспользовался созданным положением: он немедленно добился утверждения пожалования Конрада папой и императором и стал действовать в Хельмской земле и в Пруссии совершенно самостоятельно, на правах имперского князя. Так в Польшу сумели внедриться немцы, сделавшиеся в скором времени ее смертельными врагами.

В 1230 г. Зальца послал в Хельмскую область отряд орденских рыцарей во главе с ландмейстером Германом Балком, и немцы немедленно начали кровавое завоевание Пруссии, затянувшееся, ввиду отчаянного сопротивления местных жителей, на целых 53 года. «Для обремененного долгами голодного немецкого рыцарства,—говорит Маркс,—это занятие было гораздо более удобным, чем опротивевшее ему дело в святой земле; немецкие горожане присоединились к рыцарству, так как им было разрешено «осно-

вызвать свободные города; также и «свободное крестьянство», которому была предложена *собственность* на сносных условиях. «Рыцари» неистовствуют, как испанцы в Мексике и Перу; пруссы храбро сопротивляются, но все более и более изнемогают»¹.

В 1231—1232 гг. на Висле построены были замки Торн и Кульм, явившиеся опорными пунктами для дальнейшего продвижения рыцарей в глубину Пруссии. В следующем 1233 г. был построен замок Мариенведер, закрепивший захваты ордена ниже по Висле. В том же 1233 г. для помощи ордену был объявлен крестовый поход, в котором приняли участие князья польские и поморские.

Благодаря искусной стратегии одного из главных участников похода, князя Святополка Поморского, пруссы были разбиты наголову на реке Сигруне. Эта победа обеспечила дальнейшее продвижение рыцарей к Фришгафу и по его побережью до Прегеля. Здесь построены были крепости Эльбинг, Балга, Крейцбург и другие. К началу 40-х годов тевтоны уже твердо стояли в южной и западной Пруссии, господствуя над разрозненными местными племенами, которых они обращали в христианство и облагали данью.

Утверждение тевтонского ордена в Пруссии создало неблагоприятные условия для ливонских меченосцев. Немецкие рыцари-авантюристы, раньше направлявшиеся за добычей на Двину, теперь стремились получить ту же добычу поближе, в Пруссии. Лишенные притока новых людских сил из Германии, меченосцы, ссорившиеся с епископом и горожанами, с трудом сдерживали напор сильных соседей. В 1234 г. вторгшиеся в Эстонию войска повгородского князя Ярослава нанесли поражение рыцарям и опустошили окрестности Юрьева и Оденне, мстя за гибель храброго юрьевского гарнизона. Юрьев русские обратно взять не сумели.

В 1236 г. немцы потерпели еще большую неудачу при попытке утвердиться в Курляндии и Жемгалии: орденское войско наголову было разбито литовцами и жемгалами, причем погибли магистр ордена Волквин и множество рыцарей. В результате этого поражения куры, признавшие было в 1230 году свою зависимость от немцев, отпали от христианства. Немцы опасались, что их примеру могло последовать и местное население Ливонии.

При таких затруднительных обстоятельствах меченосцы стали искать помощи у тевтонов, и в 1237 г. произошло слияние орденов, причем орден меченосцев утратил свою самостоятельность и превратился в ливонское отделение тевтонского ордена.

Для реорганизации меченосцев был направлен в Ригу прославившийся в качестве искусного организатора ландмейстер Герман Балк, вместе с которым пришел для подмоги ливонским немцам значительный отряд рыцарей. Немецкая агрессия в Прибалтике получила новую силу и, продолжая свое продвижение на восток,

¹ К. Маркс, «Хронологические выписки». Архив Маркса и Энгельса, V, стр. 342.

рыцари стали грозить Новгороду и Пскову, мечтая поработить всю русскую землю, до крайности ослабленную татарским разорением. Повидимому, у них была договоренность со шведами, которые летом в 1240 г. первыми двинулись в крестовый поход против Новгорода. «В лето 6748,—значится в Новгородской первой летописи,—придоша сени в силе велице, и мурмане, и сумь, и емь, в кораблях, множество много зело... с князем и пискупы (т. е. епископами) своими, и стаща в Неве устье Ижеры».

Шведские захватчики, руководимые крупным феодалом ярлом Биргером, стремились проникнуть через Неву на Ладугу, а отсюда по Волхову — к Новгороду. Молодой князь новгородский Александр Ярославич, которому тогда было всего лишь 20 лет отроду, своей блестящей невиской победой (15 июля 1240 г.) быстро и решительно положил конец шведской агрессии, но в том же году начали свою агрессию немцы. Воспользовавшись ссорой князя Александра с новгородцами и уходом его к отцу в Суздальскую землю, они взяли Изборск и, опираясь на псковских изменников, захватили Псков. «Бяху бо перевет держали с немцы Плесковичи: подвел Твердила Иванкович с инеми, а сам нача владети Псковом с немцы, воюя села Новгородския».

Немцы перешли Нарву, захватили область Води и, придвинувшись к самому Новгороду, построили крепость Копорье. «Тоя же зимы,—читаем мы в Новгородской первой летописи,—придоша немцы на Водь с тудью и повоеваша и дань на них возложиша, а город учиниша в Копорьи погосте; и не то бысть зло, но и Тесов взяша и за 50 верст до Новгорода гоняшася, гость бяше (т. е. избивая кушцов), а семо Лугу и до Сабля... И приимаша по Луге вси кони и скот, и нельзе бяше орати (т. е. пахать) по селам и не чим». Новгородцы опять обратились за помощью к Александру Ярославичу, и этот талантливый полководец и организатор, став во главе соединенных суздальских и новгородских ополчений, сумел отстоять от «псов-рыцарей» русскую землю. Приехав в Новгород в 1241 г., он прежде всего очистил от немецких шаек окрестности города и разрушил немецкую крепость Копорье. В следующем году он отобрал у рыцарей Псков и 5 апреля нанес им страшное поражение на льду Чудского озера. Немцы врезались «свиньею» (т. е. острой колонной) в русские полки, но Александр ударил на «свинью» с флангов и жестоко разгромил вражеское войско. «Немцы же и Чудь пробишася свиньею свбозе полки и бысть ту сеча зла и велика немцемь и чюди, и труск (т. е. треск) от кошей ломления и звук от мечного сечения... и не бе видети леду, покрыло бо есть все кровию». «И паде немец 500, а чюди бесчисленное множество, а руками няша (т. е. взяли) немец 50 мужь нарочитых воевод, и приведоша в Новгород, а иных вода потопа, а иных зле язвени (т. е. сильно израненные) отбегоша».

Попытка немцев захватить и поработить русскую землю кончилась, таким образом, решительной и позорной неудачей. «Того же лета,—значится в Софийской первой летописи,—прислаша немци с поклоном в Новгород, аркуни: «что есмя зашли мечем Дсков, Водь, Лугу, Летыголу, и мы ся того всего отступаем; а что есмя изымали в полон мужей ваших, и теми ся розменим, мы ваших пустим, и вы наших пустите, и Псковский полон пустим», и умиришася, а полон весь отпустиша юбоих».

Почти одновременно с неудачей на северо-востоке немцы стали испытывать затруднения и на юге своих владений, в Пруссии. Здесь поднялся против них князь Святополк Поморский, когда-то энергично содействовавший укреплению ордена в Пруссии. Святополк первый из западно-славянских князей понял истинные замыслы тевтонов и ту опасность, которую они несли своим соседям. В частности он разгадал намерения немцев захватить дельту Вислы и решил помешать осуществлению этих планов чрезвычайно опасных для целостности восточного (Гданьского) Поморья. Святополк завязал сношения с пруссами, тяготевшими к иноземным владычеством, и поднял их на восстание. С 1242 г. начинается десятилетняя борьба Святополка с орденом, поставившая последний в очень тяжелое положение. Немецкий летописец не скупится на резкие выражения, которыми он клеймит славянского князя, называя его «сыном греха и погибели», «отродьем дьявола», «исполненным вероломства и обмана».

Святополк начал с того, что стал перехватывать немецкие суда на нижней Висле. Летом 1242 г. он вторгся в Пруссию и вместе с восставшими пруссами устроил такое избиение немцев, что «вся почти Пруссия окрашена была христианской кровью». Рыцари укрылись в крепостях, из которых временами делали вылазки. К ним пришли на помощь польские (мазовецкие и куявские) князья, позднее жестоко поплатившиеся за услуги, оказанные ими немецким разбойникам. Поляки с большими силами вторглись в Поморье, и Святополк вынужден был просить мира. В обеспечение мира он отдал немцам в заложники своего старшего сына Мстислава. Вскоре, однако, Святополк возобновил военные действия. Он вторгся в самый центр орденских владений — Хельмскую землю, нанес рыцарям страшное поражение у Рейзонского озера и всю Хельмскую землю, за исключением трех крепостей, обратил в пустыню. Убыль в мужчинах была настолько велика, что, по словам хрониста, свободным женщинам Хельмщины разрешено было потом выходить замуж за рабов, «дабы совсем не погибло дело веры».

Орден прибег опять к коварной политике разделения славянства. Он сумел поднять против Святополка не только польских, но и подчиненных Святополку поморских князей — его младших братьев Самбора и Ратибора. Святополк заключил с немцами перемирие и потребовал возвращения отданного в заложники сы-

на Мстивоя. Немцы отказались удовлетворить это требование, и воинственный поморский князь в третий раз вторгся в их владения. Он так опять опустошил Хельмскую землю, что, по словам хрониста, немецкие рыцари стали серьезно подумывать об уходе из Пруссии.

Опустошена была также Куявия. Вместе с тем Святополк старался совершенно закрыть устье Вислы для немецких судов и с этой целью укрепил свои прибрежные города Сантир и Швец.

В войну вмешался папа, потребовавший от славянского князя, чтобы он сложил оружие и примирился с немцами. Святополк будто бы в ответ на это требование заявил, что ни папа, ни император и никто другой из живущих не заставит его прекратить преследование врагов своих, и добавил при этом: «Верните мне сына моего, если желаете иметь мир со мною».

Очевидно, пребывание в плену единственного сына и наследника Святополка сильно связывало свободу действий князя по отношению к немцам; поэтому он и добивался с такой настойчивостью его возвращения. Немцы, однако, не хотели возвращать Мстивоя. В ответ на действия князя они вторглись со своими союзниками в Поморье, и «на протяжении девяти дней и ночей так его опустошили, что не осталось ни одного урла, в каком бы они не побывали с прабежом и поджогами». Между прочим рыцари сожгли знаменитый в Поморье Оливский монастырь и ушли в Пруссию с большой добычей. В дальнейшем параллельно военным действиям все время продолжались переговоры о возвращении Святополку его сына, причем немцы пускались на всевозможные хитрости, чтобы удержать у себя этого важного заложника. Наконец, в 1248 г. Мстивой был освобожден, и Святополк заключил с орде-ном мирный договор.

Нельзя не удивляться героизму и энергии, с какими поморский князь вел борьбу с немцами. Положение его, однако, было очень трудное. Он совсем не имел союзников, а между тем немцы плели тонкую сеть интриг в самом Поморье, продолжая восстанавливать против князя его братьев. В конце 1251 г. один из них, Самбор, передал немцам остров Сантир в устье Вислы. С этим Святополк помириться не мог, так как, владея Сантиром, немцы обеспечивали за собой господство в дельте Вислы. Вот почему в ответ на передачу Сантира Святополк занял этот остров своими войсками и начал новую беспощадную борьбу с орде-ном. За немцев, однако, решительно вступился папа, и Святополк в 1253 г. заключил с немцами окончательный мир на условиях прежнего соглашения 1248 года. В последние годы жизни внимание его было занято войнами с польскими и западнопоморскими князьями.

Так неудачно кончилась попытка славянского князя остановить немецкую агрессию в Прибалтике. Соседние славянские князья не только не поддержали его в этом деле, но, наоборот, энергично вступились за немцев и тем спасли их положение в

Пруссии. Много способствовало также спасению ордена папство, которому современные фашисты предъявляют вздорное обвинение в том, что оно содействовало крушению немецкой мощи в Прибалтике.

Исторические факты, однако, неопровержимо доказывают, что папство оказывало систематическую поддержку немецким рыцарям и немало содействовало успеху их агрессии в Прибалтике. Папство решительно покровительствовало немцам и во время борьбы их со Святополком. Папа не ограничился дипломатическим воздействием на Святополка: он объявил очередной крестовый поход против пруссов, поднявших восстание по соглашению с славянским князем. В этом походе 1254 г. участвовали чешский король Приемысл II (Оттокар II) и немецкие князья Рудольф Габсбургский и Оттон Бранденбургский. Крестоносцы не только вернули тевтонам потерянные ими в результате восстаний области, но и завоевали для них новую большую область — Самбию, расположенную на полуострове того же имени, богатую янтарем и конями. Памятником этого похода 1254 г. является город Кёнигсберг, построенный тогда во вновь завоеванной местности в честь главного вождя похода — короля Чехии Приемысла II.

В то время, когда орден воевал в Пруссии со Святополком, севернее (за Неманом) немецкая агрессия усиливалась. В 1245—1250 гг. закончено было завоевание немцами Курляндии и Жемгалии и получена от крестившегося литовского князя Миндовга большая территория в области Жмуди. В 1252 г. здесь в качестве опорного пункта немецкого владычества был построен город Мемель.

Немцам казалось, что они твердо освоили обширную область между нижними течениями Немана и Двины, и они уже с благословения папы подумывали о том, чтобы двинуться на Литву и захватить ее. Эти расчеты оказались, однако, преждевременными. В 1260 г. при Дурбе, в Ливонии, немцы были разбиты наголову литовцами. Этому поражению много способствовало то обстоятельство, что бывшие в немецком войске куры в решительную минуту обратили оружие против своих поработителей. «Пали в этой битве в день блаженной Маргариты (13 июля) в земле куров, на поле близ Дурбе реки брат Бургард, магистр Ливонии, и брат Генрих Ботель, маршал Пруссии, и с ними 150 братьев, а из народа божьего такое множество, что я даже не мог установить их числа», — говорит немецкий летописец.

По сообщению того же летописца, победители нагнали такой страх на немцев, что «трое или четверо из прагов убивали сотню христиан или же обращали их в постыдное бегство». Миндовг после этой победы отрекся от христианства. Куры восстали. Эсты тоже поднимались против завоевателей. Двинулись против немцев и русские князья. «Ходина Ярослав Ярославич и Дмитрий Александрович, и Товтил Полоцкий, Новгородцы, и Псковичи, и Полочане под Юрьев, единым приступом три стены взяша, а нем-

цы избышка», — так значится в Псковской первой летописи под 1262 (6770) годом.

Немцы, однако, с помощью датчан быстро справились с затруднениями в Ливонии. Русские князья взять Юрьев не смогли, а литовцы были разбиты при Динамунде. В 1263 г. умер враг немецких рыцарей Александр Невский, «много потрудившийся за землю русскую», а вскоре умер и Миндовг литовский, и на Литве воцарилась анархия. При таких обстоятельствах немецкие захватчики легко вернули под свою власть куров и Земгалов, причем на территории последних они построили новую крепость — Митау.

Хуже для немцев обстояло дело в Пруссии, где после битвы при Дурбе в 1260 г. поднялось большое восстание. Правда, рыцари со свойственной им зверской жестокостью приняли своеобразные меры предосторожности, когда почували симптомы надвигающейся опасности. Один немецкий рыцарь, «брат Вольрад, пригласил к себе в замок множество прусских старшин, напоил их пьяными и сажег всех вместе с замком». Однако, это вопиющее злодеяние не помогло немцам. Осенью 1260 г. пруссы внезапно поднялись большими массами и «всех христиан, каких застали в Пруссии, вне укреплений, одних безжалостно убили, других, пленивши, отвели в вечное рабство, — храмы пожгли, священников и иных служителей церкви истребили».

Восстание было очень упорным и продолжалось больше 20 лет, причем немцы подавляли его со страшной жестокостью. Целые области подверглись опустошению, целые племена поголовно уничтожались. Так, например, уничтожено было население Самбии, Померелии, и эти области заросли лесом. Некоторые племена, не желая подчиниться завоевателям, ушли в Литву и здесь продолжали борьбу с рыцарями. В 1283 г. восстание было подавлено, и страшно разоренная Пруссия окончательно подчинена тевтонам. Маркс пишет: «Образец того опустошения, которое они произвели, это судьба населения *Südau* (Südau) в Пруссии; к концу XIII столетия цветущая страна была превращена в пустыню, на место деревень и возделанных полей появились леса и топи, жители были частью перебиты, частью уведены, частью вынуждены выселиться в Литву»¹.

Если до восстания рыцари, опасаясь слишком теснить местное население, оставляли за прусской знатью ее прежнее положение, а за прусскими крестьянами — относительно личную свободу (как в Ливонии), то теперь эта политика изорванным образом изменилась. Завоеватели расселяли уцелевших от истребления пруссов по разным округам, порывая их связи с родной территорией и определяя их общественное положение в соответствии с

¹ К. Маркс, «Хронологические выписки». Архив Маркса и Энгельса, V, стр. 344.

поведением во время восстания. Тех, кто действовал вместе с немцами хищниками и помогал им, возвышали; тех же, кто поднялся на защиту родной земли, лишали не только знатности, но и свободы. Немногие, однако, превратились, по милости рыцарей, в свободных и знатных. Масса населения оказалась в положении несвободных и совершенно бесправных крестьян, которым оставлены были земли на условии уплаты ордену десятины с урожая, отправления тяжелой барщины в рыцарских поместьях, несения тяжелой военной повинности, повинности по устройству и починке укреплений и т. д. Та тяжелая крепостная зависимость, которая в Ливонии установилась постепенно на протяжении XIV—XV вв., в Пруссии установилась сразу после подавления восстания местного населения. Главным образом к этому периоду относятся слова Маркса о «неистовстве» рыцарей в Пруссии наподобие испанцев в Мексике и Перу.

Опустошенная Пруссия шуждалась в новых поселенцах, и орден стал привлекать их массами из Германии. Отличие истории Пруссии от истории Ливонии как раз и состоит в том, что в Пруссию вследствие ее близости к Германии было привлечено большое количество немецкого крестьянства. В Пруссии, как и всюду, куда массами проникали немецкие крестьяне-колонисты, они селились свободными общинами, имевшими своих выборных старост и выборных заседателей, которые вершили суд по мелким гражданским делам согласно старому немецкому праву.

Немцы основывали в Пруссии не только новые деревни, но и новые города. Вычислено, что на протяжении XIV в. в Пруссии было основано 60 новых городов. Толчком к основанию и развитию здесь городов послужили богатейшие рыбные ловли (главным образом ловля сельди) у прусских и поморских берегов. Кроме того, города вели оживленную торговлю с Польшей и Русью. Они пользовались полным самоуправлением и жили по магдебургскому или любекскому праву.

Города в XIV в. входили в состав могущественного Ганзейского союза и образовали самостоятельный прусский округ в Ганзе, во главе с Данцигом. По утверждению одного из фашистов, ганзейские города Прибалтики были «выразителями души северной расы», создавшими на завоеванной территории «чистую породу носителей и распространителей немецкой культуры». Фашисты при этом замалчивают то обстоятельство, что эти «выразители души северной расы» постоянно враждовали с орденскими рыцарями и в решительную минуту всячески содействовали падению могущества ордена. Вообще рассуждения фашистов о «восточной колонизации» как о «великом национальном деле», в котором якобы согласованно и планомерно участвовали все классы немецкого народа, конечно, чистейший вздор, решительно опровергаемый фактами исторической действительности.

3. Наступление ордена на Польшу и Литву. Грюнвальдский бой.

Ставши твердой ногой в Пруссии, орденские рыцари начали дальше распространяться в сторону Литвы и восточного Поморья. Последнее они очень легко прибрали к рукам при следующих обстоятельствах. По смерти бездетного сына и преемника Святополка, Мстивоя, восточное Поморье перешло в Польшу, но права на владение этой территорией оспаривали у Польши маркиграфы Бранденбургские. При короле Владиславе Локотке бранденбуржцы оккупировали Поморье и выжили оттуда поляков, которые удержались только в Гданске. Стесненный бранденбуржцами, Локоток обратился за помощью к ордену, обещаясь уплатить все военные издержки по совместной экспедиции за Вислу. Орденские рыцари, давно уже с воодушевлением смотревшие на Поморье, не замедлили воспользоваться благоприятным случаем, чтобы забрать в свои руки наследие Святополка. Они быстро справились с бранденбуржцами и заняли всю область, конечно, не обнаружив в дальнейшем никакого желания отдавать ее Польше. Тогда Локоток в союзе с венгерским королем и литовским великим князем Гедимином начал борьбу с орденом из-за Поморья. Борьба была крайне неудачна для Польши. Рыцари, сумевшие привлечь на свою сторону чешского короля и маркиграфа Бранденбургского, перенесли военные действия на польскую территорию, которую опустошали со злобной жестокостью, выжигая села и города и поголовно истребляя жителей. О том, как орденские рыцари были настроены по отношению к Польше, свидетельствуют следующие слова орденского священника, доминиканского монаха Фалькенберга, обращенные им к Европе: «Все князья должны почесть своей обязанностью восстать с мечом мести против Польши. Нет заслуги, чернее ведущей к спасению души, как содействие совершенному истреблению польского народа с его королем и шляхтой».

Тут только впервые поляки узнали истинное лицо своих соседей и старых союзников, которых они не раз в тяжелые минуты спасали от шеминуемой гибели. Локоток умер в разгаре борьбы, и лишь его преемнику Казимиру Великому удалось заключить (в 1343 г.) с немцами мир ценою полного отказа от Поморья. Отказ, впрочем, мог быть только временным, и в дальнейшем вопрос о Гданском Поморье снова не раз ставился на очередь. Этот вопрос в его новой постановке (Данцигский коридор), как известно, послужил предлогом для вторжения немецких фашистов в Польшу.

Вторжение немцев в Литву началось с конца XII в. и в XIV в. приняло характер ежегодных, регулярных разбойничьих набегов, участники которых действовали с холодной и зверской жестокостью. Литва оставалась языческой страной, и это в глазах «крестоносцев» было совершенно достаточным основанием для того, чтобы учинять на ее территории всякие жестокости и разбои.

Вот несколько лаконических, но многозначительных выдержек из немецких хронистов, касающихся набегов на Литву в XIV в.:

«В то же лето 1348 братья в Пруссии, собравши войско, в течение восьми дней опустошали землю поганных литовцев».

«В лето 1364 Вильрих, великий магистр, и Арнольд Ливонский сошлись около праздника очищения с двумя войсками в земле поганой Литвы... Пробыли они там, все предавая мечу и огню, девять дней. Многих забрали в плен, а многих убили».

«Того же лета (1365) комтур Гольдингена предпринял совместно с кудами поход на Литву и убил там 400 мужей, потеряв одного брата и 11 воинов».

«В лето 1367... магистр Ливонии повел войско против Литвы и в течение четырех дней опустошал ее мечом и огнем».

«В лето 1373 брат Вильгельм Вримерстейм, магистр Ливонии, повел войско в землю поганой Литвы и пробыл в ней 8 ночей... Перебивши несчетное количество врагов, он захватил в плен около 1000 людей обоих пола и много коней».

«В то же лето (1374) магистр Ливонии, собравши войско, пробыл в земле литовской пять дней и ночей. Учинивши великое разорение, он некоторых поразил мечом, других захватил в плен».

«В лето 1385... оставались в земле литовской 21 день и людей перебили без числа».

При этом не только из Германии, но и из других стран Запада стекались в Пруссию представители всякого рыцарского сброда, чтобы принять участие в своего рода охоте на литовцев, которых не считали за людей и травили как диких зверей. Вот выдержки из хроник, говорящие о наездах на Литву с «высокопоставленными гостями»:

«Того же лета прибыл в Пруссию герцог австрийский с 2 тысячами всадников — знатными графами, баронами и проч. — и послышал великий магистр Вильрих учинил наезд, опустошивши низовые земли... Пробыли они там семь дней».

«В лето 1378 учинили после праздника очищения добрый наезд на Литву и захватили сотню литвинов в плен. Был тогда в Пруссии герцог лотарингский и сын брата, владыка папы Григория IX, а также много иных гостей».

Из Литвы вывозили массу пленных, которых продавали в рабство. Об обращении язычников-литовцев в христианство не думали. Это совсем не входило в расчеты немецких разбойников, так как они опасались, что за литовцев-христиан мог бы вступиться папа. Литовцы, с своей стороны, конечно, питали непримиримую ненависть к немцам. Взятых в плен рыцарей они закапывали живьем на огне в их тяжелом металлическом вооружении.

Во второй половине XIV в., как известно, усилилось великое княжество литовское, включившее в свой состав все юго-западные русские земли (княжества Киевское, Черниговское, Смоленское,

Полоцкое и Владимиро-Волыньское). В 1386 г. Польша и Литовско-русское государство, страдавшие от немецких хищников, заключили унию, которая в первую очередь была направлена против ордена. Вместе с тем Литва приняла христианство, и этим искусным шагом было уничтожено формальное основание для постоянных опустошительных наездов на литовскую территорию. Теперь эти наезды, попрежнему привлекавшие в Пруссию рыцарский сбор из разных частей Западной Европы, шельзы уже было оправдывать стремлением обратить язычников в христианство. Поляки и литовцы твердо решили остановить общими силами немецкую агрессию, которая продолжала захватывать все новые и новые территории.

В начале XV в. орден захватил Жмудь и тем самым уничтожил чересполосицу между своими прусскими и ливонскими владениями. Польша и Литва оказались окончательно отрезанными от моря, так как вся Прибалтика, от Нарвы до Одры, была захвачена немцами. Почти одновременно орден купил у венгерского короля Сигизмунда Новую Марку. Этим намечалось установление территориальной связи ордена с Бранденбургом, грозившее окончательно утвердить немецкое засилье на побережье Балтийского моря.

Тогда же орден взял в залог у польского князя Владислава Добрыньскую землю (на правом берегу Вислы, выше Торна) и тем посягнул на исконную польскую область. Все это послужило поводом к так называемой «великой войне» Польши и Литвы с орденом. Военные действия начались в 1409 г., когда двоюродный брат польского короля Ягайло, Витовт, стоявший во главе обширного литовско-русского государства, окончательно порвал с рыцарями и стал действовать в тесном союзе с Польшей. Огромные силы, которыми располагал Витовт, обеспечили союзникам в следующем, 1410 г. (15 июля) блестящую победу над немцами при Грюнвальде.

✓ Грюнвальдский бой, сокративший мощь ордена и положивший на долгое время конец немецкой агрессии в Прибалтике, — одно из величайших событий всемирной истории. Естественно, что грюнвальдский бой привлекал и продолжает привлекать к себе внимание современников и потомков. О нем сохранилось большое количество известий немецкого, польского, русского, чешского, нидерландского, шведского, датского и французского происхождения. К сожалению, известия эти обычно кратки (особенно с немецкой стороны) и очень односторонни (таковы некоторые немецкие и французские данные, в которых в искаженном виде слышатся отзывы далеких прусских событий). Сводка всех этих известий представляет событие в следующем виде.

Польско-русско-литовское войско, вступившее в пределы Пруссии, состояло под личным начальством юных двоюродных братьев — Ягайло и Витовта. Общую численность этого войска установить нельзя ввиду невозможности доверять современным

хронистам, оперирующим слишком большими цифрами. Во всяком случае, в союзном войске насчитывалось несколько десятков тысяч человек, причем почти половину составляли русские полки, набранные русскими городами государства Витовта: Полоцком, Смоленском, Новгородом, Брянском, Стародубом, Киевом, Владимир-Волынским и другими. В войске были также чешские, моравские и силезские полки и в числе их вождей знаменитый впоследствии Ян Жижка, предводитель гуситов. Были также отряды татар-литовских колонистов и сарайцев. Что касается орденского войска, то в нем было «множество рыцарей, баронов и иных людей разных национальностей», прибывших из всех частей света на помощь крестоносцам. В общем в орденском войске были представлены двадцать две западноевропейские национальности. Ядро войска составляли орденские рыцари. При них состояли земские немецкие ополчения прусских городов и деревень. Много было и местного населения — пруссов, сражавшихся пешими. Огромные суммы были потрачены орденом на вербовку «несчетного количества наемников». Словом, грюнвальдская битва была настоящей «битвой народов», в которой немецким агрессорам с их добровольными и подневольными союзниками противостояли объединенные силы поляков, русских и литовцев, подкрепленные чехами, моравами и татарами.

Главное командование польско-русско-литовским войском принадлежало нерешительному и медлительному Ягайло. Непосредственное начальство над левым крылом, состоявшим из поляков и чехов, Ягайло передал краковскому мечнику — Зыгндрому из Машковиц. Расположившиеся напротив орденские войска, состоявшие под непосредственным командованием великого магистра Ульриха фон Юнгингена, имели своими опорными пунктами селения Грюнвальд (в ближайшем тылу) и Танненберг (на левом фланге). Отсюда и битва носит наименование то грюнвальдской (так ее называют поляки), то танненбергской (так ее называют немцы). В русских летописях она известна как битва «в земли Пруської, межи города Дубровны и Острода».

Нерешительный Ягайло долго не начинал сражения, очевидно, до самого последнего момента не теряя надежды договориться с немцами. Польские хронисты, прославляя благочестие короля, рассказывают о том, как он на виду у всего войска слушал обедню, не обращая внимания на вести о приближении неприятеля. Петерпеливый Витовт побуждал своего двоюродного брата скорее начать наступление, чтобы не дать немцам выгоды первого удара. Король, однако, продолжал молиться, «ибо сердце его было обращено к одному богу». Между тем немцы, по обычаю того времени, прежде чем открыть военные действия, прислали с особыми герольдами два обнаженных (по некоторым немецким известиям, смоченных кровью) меча в знак вызова на битву. «Король и Ви-

товт,—так будто бы говорили орденские послы, вручая обнаженные мечи,—великий магистр и маршал посылают вам эти мечи на помощь и вызывают вас на бой. Они спрашивают о месте сражения, дабы сами вы его определили и о том известили. Не стремитесь укрыться в этом густом лесу, не медлите вступить в битву, ибо никак не сможете избежать ее». Король принял мечи и вызов, но все еще медлил. Витовт уговорил его сесть на коня, но и на коне он стал еще исповедоваться. Потом, опасаясь за свою жизнь, нерешительный и трусливый Ягайло отъехал в тыл войска, окруженный отборными телохранителями, причем распорядился приготовить и расставить в определенных местах быстрых коней, «на которых в случае победы вражеского войска он мог бы избежать опасности».

Совершенно по-иному вел себя энергичный Витовт, который, «поручивши одному богу охрану своей безопасности, шюсился по рядам польского и литовского войска», устроявая его для битвы. Повидимому, отчаявшись добиться от короля приказа о наступлении, Витовт решил начать битву один и двинул свою легкую литовскую конницу, которая тучей налетела на левое крыло орденского войска. Это было, по одному польскому известию, «за три часа до полудня». Стояла страшная жара, хотя разразившаяся ночью гроза несколько освежила воздух. Немцы встретили литовцев залпами из пушек и затем сами перешли в наступление, направивши на наседавших крупные силы. «Поднялся,—говорит польский хронист Длугош,—столь великий шум от преломления копий, столкновения оружия и лязга мечей, что слышно было его на несколько миль в окружности». Имевшие, по словам того же Длугоша, слабых коней и худшее вооружение литовцы (жмудины) не выдержали и бросились в бегство, а рыцари с пением победного гимна устремились их преследовать, угрожая флангу и обозам польского войска. Они величились в расположение русско-литовских отрядов и оттеснили главную их массу к Лаубенскому озеру (к югу-востоку от Грюнвальда). Вместе с тем дрогнула и значительная часть вовлеченных в битву поляков и даже королевское знамя одно время пало на землю. Казалось, что дело безнадежно проиграно, и бежавшие литовцы уже распространяли по дороге весть о поражении от немцев.

В эту отчаянную минуту положение было спасено отважными смоленскими полками, которыми командовал племянник Ягайло — Юрий Лутвениевич, князь Мстиславский. Занимая очень ответственную позицию на стыке литовских и польских войск, смоляне мужественно держали центр, не отступая ни на шаг перед яростным натиском немцев. «В этом сражении,—говорит Длугош, лишь одни русские витязи из Смоленской земли, построенные тремя отдельными полками, стойко бились с врагами и не приняли участия в бегстве. Тем заслужили они великую славу. И если

один из полков был жестоко изрублен и даже склонилось до земли его знамя, то два других полка, отважно сражаясь, одерживали верх над всеми мужками и рыцарями, с какими сходились в рукопашную, пока не соединились с отрядами поляков. Из всего войска Витовта только они одни стяжали себе в этот день славу отважных героев».

Оправившись благодаря стойкости смоленских полков от замешательства, поляки подтянули на своем левом фланге резервы и стали угрожать обходом правому флангу немецкого войска. В то время Витовт, перестроив расстроенный правый фланг и двинув к нему пополнения, ударил на возвращающихся с потопи за жмудинами рыцарей и сразу же смял их. Одновременно посланные Витовтом татары пошли в обход и обрушились на орденские обозы. Поляки с копьями наперевес и с пением «Богородицы» перешли в решительное наступление и стали жестоко бить немцев.

Между тем магистр с отборными резервными отрядами (в количестве 16 знамен) стоял, укрыпшись в небольшой роще, выжидая удобного момента для последнего, сокрушительного удара. Этот удар он решил нанести центру польской армии, за которым находился сам король, и бросился туда со всеми своими силами. Однако эта запоздавшая атака была отражена, и окруженные поляками рыцари потерпели полное поражение. «При первой же стычке и магистр, и маршалк, и комтуры всего ордена кржжаков погибли; прочие же оставшиеся в живых, видя их гибель ...обративши тыл... побежали». При преследовании беглецов «избивали, как псов». «Столько было пролито крови, что она доходила до животов их коней. И пошли они на съедение волкам, псам и хищным птицам». Много немцев, спасаясь от преследования, погибло в соседних болотах.

Победителям достался в добычу весь орденский обоз и все рыцарское снаряжение. Между прочим, по свидетельству Длугоша, в лагере было захвачено «несколько возов, груженных цепями, которые кржжаки, будучи уверены в победе, приготовили для того, чтобы сковывать ими пленных поляков». «За час до захода солнца» кровопролитная битва окончилась, и в войске Ягайло было «великое ликование». Не тому мы должны радоваться, — поучает один из польских хронистов, — что столько пролилось крови смертельных врагов наших, а тому, что бог даровал нам столь славную победу над недругами нашими, замышлявшими стереть с лица земли весь польский народ и испепелить все жилища его».

Точное количество потерь орденского войска нам неизвестно; цифры, которые дает, например, Длугош (50 тысяч убитых и 40 тысяч взятых в плен), явно фантастичны. Во всяком случае, орден испытал под Грюнвальдом страшное поражение, и немецкие хронисты не пытаются умалить размеров этого поражения, хотя и не любят распространяться о его подробностях. Вот что говорится,

например, о потерях ордена при Грюнвальде у одного современно-го немецкого хрониста (так называемого торнского анналиста): «И вот в день св. апостолов разыгралась битва. И побежали наши пруссы... и погибли наши. Убиты были господин магистр, маршалк, великий комтур и казначей вместе с знатнейшими и старейшими (членами) ордена. Уцелели немногие, да из тех некоторые попали в плен... Многие из наших, помимо поименованных, ударились в бегство».

4. Крушение немецкой агрессии в Прибалтике.

Поражение ордена послужило сигналом к восстанию против него немецкого населения Пруссии (крестьян, вассалов и горожан), которое стремилось воспользоваться создавшимися обстоятельствами, чтобы свергнуть тяжелое владычество «братьев». По свидетельству немецкого хрониста, уже при Грюнвальде, когда обозначилась победа поляков, рыцари и кнехты хельмского земского ополчения «спустили знамена» и разбежались по домам, не желая сражаться за чуждое им дело. Теперь, после Грюнвальда, города, рыцари (вассалы) и крестьяне, по свидетельству того же хрониста, выгоняли оставшихся «братьев» из их замков и передавались вместе с этими замками королю Ягайло.

Тевтоны пожинали итоги своей разбойничьей политики, направленной исключительно к обогащению орденских «братьев». Политика эта настолько нарушала интересы даже рядового дворянства и горожан, что и те и другие оказались вынужденными подняться с оружием в руках против прубого и невежественного рыцарского сброда и отдаться под власть Польши.

Ордену все же удалось пережить поражение, хотя силы его и были надломлены навеки. Ягайло при своей медлительности не успел быстро занять столицу ордена — Мариенбург, — а когда он подошел к ней, город успел уже подготовиться к осаде: один из уцелевших комтуров, энергичный Генрих фон Шлауэн, быстро стянул в столицу оставшиеся рыцарские войска и снабдил их всем необходимым. Витовт, боявшийся чрезмерного усиления Польши, не хотел окончательной гибели ордена и не пожелал поэтому участвовать в осаде. Ягайло очутился в очень тяжелом положении, главным образом из-за отсутствия денег. Длугош особенно подчеркивает то обстоятельство, что королю «много и часто докучали его наемники», державшие даже к нему «враждебные речи» из-за неуплаты жалованья. К этому еще прибавились болезни в войске, и в конце концов польский король после двухмесячной стоянки под стенами Мариенбурга вынужден был (25 сентября) снять осаду. Это обстоятельство, а также поддержка рыцарей венгерским королем спасли орден от окончательной гибели.

Первый торнский мир 1411 г. был заключен на таких выгодных для ордена условиях, о каких он даже не мог и помышлять

после поражения при Грюнвальде. Ему были возвращены все прежние владения, за исключением Жмуди, переданной Витовту, и Добржинской земли, возвращенной Польше. Со своей стороны, орден должен был уплатить 100 тысяч марок военной контрибуции.

Все же положение рыцарей в Пруссии оставалось очень тяжелым. Попытка Плауэна собрать деньги и поладить с немецким населением путем созыва земских чинов кончилась крахом, а смута в среде самих «братьев» привела к низложению энергичного великого магистра и заключению его в тюрьму, где он умер после 16-летнего заключения.

Это прямой симптом полного разложения орденской организации, продолжавшей некоторое время держаться лишь благодаря накопленным огромным богатствам, которые тратились на наемников. Непрекращавшиеся войны с Польшей, которая стремилась во что бы то ни стало добить орден и получить выход к морю, отличались крайним ожесточением. В этих войнах на стороне Польши принимали участие суровые чешские гуситы, которые доходили, избивая немецких рыцарей и немецкое католическое духовенство, до самого Балтийского моря (они разрушили знаменитый Оливский монастырь в Поморье).

В конце концов против ордена снова поднялось свое же, немецкое, население Пруссии. В 1440 г. образовалась лига прусского дворянства и родов, которая в 50-х годах начала беспощадную борьбу с рыцарями, захватывая и разрушая их замки. Лига отдалась под покровительство польского короля, однако и на этот раз поляки долго не могли воспользоваться так благоприятно сложившимися для них обстоятельствами, чтобы окончательно разгромить орден. Лишь в 1466 г., после 13-летней войны, сопровождавшейся огромными потерями с обеих сторон, заключен был второй торнский мир, по которому орден прекращал свое самостоятельное существование. Польша получила давно желанное Поморье с породам Данцигом, исконные польские земли Хельмскую и другие — и Западную Пруссию с Мариенбургом. Остальные земли (Восточную Пруссию с Кёнигсбергом) орден удержал, как вассал Польши, причем великий магистр превратился в простого польского князя. В результате торнского мира 1466 г. Польша стала одним из могущественнейших государств Европы, владения которого достигли Балтийского моря.

Этими событиями надолго была остановлена немецкая агрессия в Прибалтике.

1 7-января 1944

ОГЛАВЛЕНИЕ.

I. Полабские и поморские славяне и их борьба с немцами в средние века.	
1. Территория расселения славян за Лабой. Славяно-франкские отношения до распада империи Карла Великого	3
2. Славяне и немцы после распада империи Карла Великого. Начало «натиска на Восток». Покорение немцами славянских стран за Лабой при Генрихе I и Оттоне I. Устройство покорённых областей. Марки	6
3. Ослабление зависимости от немцев при последних королях саксонской династии. Усиление княжеской власти у ободритов. Независимость дютичей. Немецкое влияние у сербов	15
4. Ободритское государство Готшалка. Князь Крутой и его победы над немцами. Государство Генриха. Новое наступление немцев на славянские земли после крушения государства Генриха	18
5. Общественный быт полабских и поморских славян накануне завоевания их территории немцами. Хозяйство. Политический строй. Религия. Нравы славян	27
6. Крестовый поход 1147 г. на славянские земли и его неудача. Утверждение господства немцев на Гавеле	35
7. Борьба ободритского князя Никлота и его сыновей с Генрихом Львом и датчанами. Конец независимости славян за Лабой. Немецкая колонизация. Судьба местного славянского населения	38
 II. Борьба с немецкой агрессией в Прибалтике.	
1. Население Прибалтики. Завоевание немцами Ливонии и Эстонии	42
2. Утверждение Тевтонского ордена в Пруссии. Слияние его с меченосцами. Неудачная попытка наступления на русские земли. Завоевание Пруссии	49
3. Наступление ордена на Польшу и Литву. Грюнвальдский бой	57
4. Крушение немецкой агрессии в Прибалтике	63

Цена 80 коп.

14435

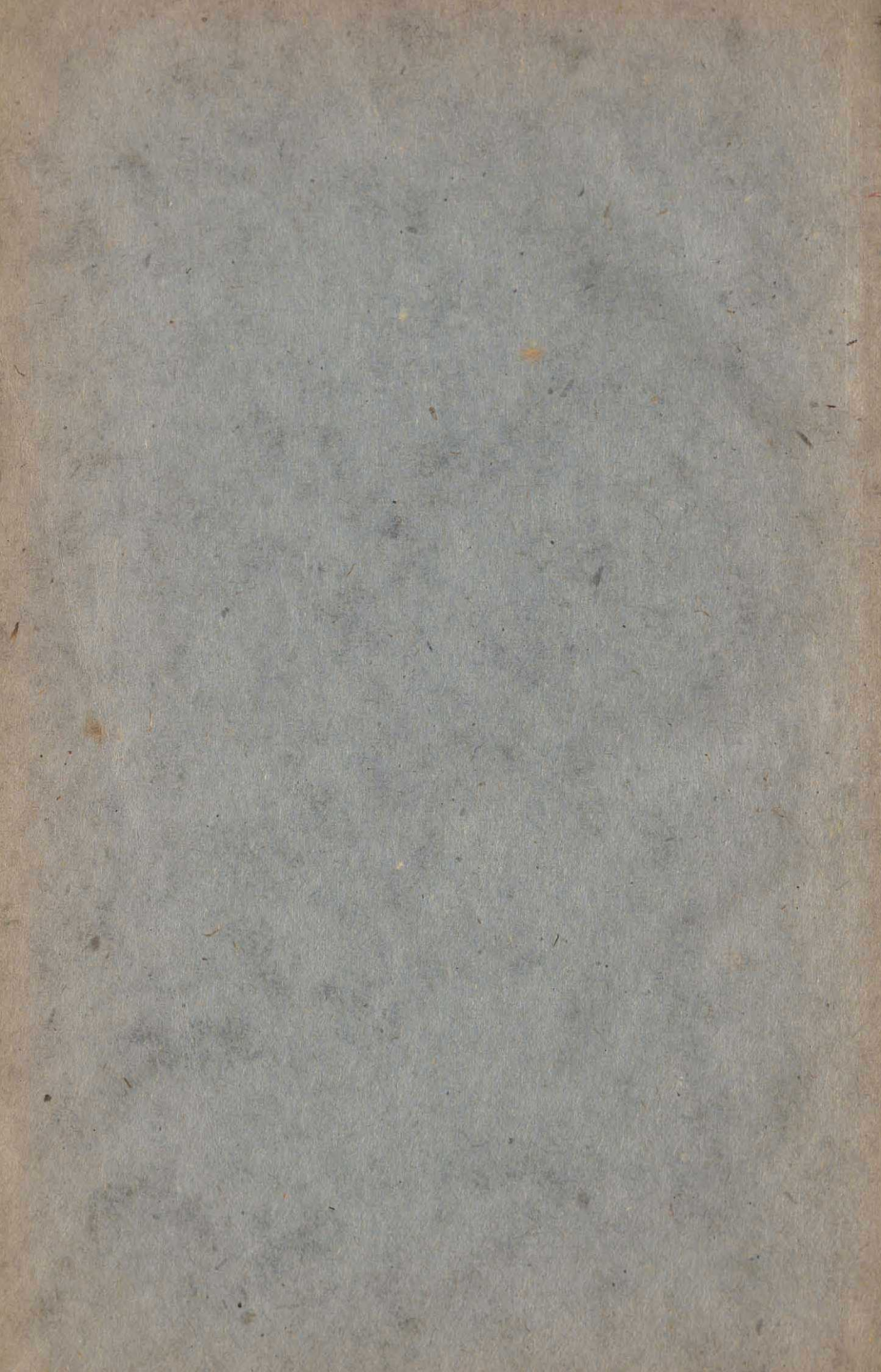
36

39₂

2010456184